НФ «Литературный фонд имени В. И. Слядневой»

ВОСЬМЫЕ СЛЯДНЕВСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ

Литература Ставрополья:
из прошлого в будущее

Ставрополь, 2022

ВОСЬМЫЕ СЛЯДНЕВСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ: «Литература Ставрополья: из прошлого в будущее»: сборник / НФ «Литературный фонд имени В. И. Слядневой»; сост. Л. Ф. Игнатова. – Ставрополь, 2022. – 60 с.

Ответственный за выпуск: Л. Ф. Игнатова
Тех. редакция и верстка: М. В. Игнатов

НФ «Литературный фонд имени В. И. Слядневой, 2022

Оглавление

Шматко Л. И. Работали со всеми вместе 4

Иванова Е. Л. Живой родник души земной 6

Головко В. М. Творческая индивидуальность В. И. Слядневой как историко-литературная проблема 17

Дмитриченко В. Г. «Где подушки с прошвами…» 26

Дружинина Т. Д. Светлая душа – Михаил Данилович Литвинов 29

Ананьченко Н. М. Благодаря ей… 34

Блохин Н. Ф. Гениям итогов не подводят… 36

Черная Т. К. Поколение 37

Егорова Л. П. Евгений Васильевич Карпов 40

Иванова Е. Л. Очарованный странник 50

Сахвадзе Н. Н. Витислав Васильевич Ходарев 55

Работали со всеми вместе

Шматко Лариса Ивановна,
Председатель НФ «Литературный
фонд имени В. И. Слядневой»

Прошедший 2021 год был у нас в стране и крае, как всем известно, пандемийным, со многими карантинными ограничениями. Это определило деятельность Литературного фонда имени Валентины Ивановны Слядневой, Артцентра Горицвет, которые действовали согласно своих планов работы, но с учетом общей направленности событий культурной и литературной жизни России и края, зачастую переходивших в социальные сети, с особой перестройкой в них информационной подачи мероприятий в виртуальном пространстве. Работа Литфонда имени В. И. Слядневой проходила по сложившимся четырем программным направлениям деятельности:

- мемориальному,
- издательскому и формированию книжных фондов библиотек края,
- благотворительному партнерству,
- социальному.

Основной задачей мемориальной программы Литфонда явилось увековечение памяти известного российского поэта В. И. Слядневой, популяризации ее творческого наследия. В этом году большие организационные и материальные усилия были направлены на установку раннее отлитого бронзового бюста поэта, который после необходимых согласований с городскими властями, четвертого сентября торжественно открыт в сквере по проспекту К. Маркса с присутствием писателей, поэтов, деятелей культуры, которые вышли с инициативой именовать его, после согласования с властями города и будущей реконструкцией, «Литературным сквером». В будущем в нем было бы возможно современным писателям и поэтам, библиотекам краевого центра проводить различные выставки книг, литературные праздники и другие мероприятия.

В этом году продолжалась большая работа Артцентра Горицвет в Ставрополе. Проведены четыре большие художественные и фотовыставки, показывались, со всеми карантинными ограничениями, спектакли, концерты для детей и взрослых, проводились презентации, волонтерские благотворительные акции и многое другое.

В полном объеме функционировал официальный мемориальный сайт Литфонда имени В. И. Слядневой со всеми рубриками, в которых было опубликовано семьдесят две информации, позволяющие узнать посетителям сайта

обо всех направлениях деятельности Литфонда по увековечению памяти поэта, различных культурных акциях, в которых Литфонд и Артцентр Горицвет принимали участие.

Ведется постоянное информационное обновление на странице поэта В. И. Слядневой в Википедии, на которой побывало 2649 посетителей. В социальных сетях интернета было опубликовано тридцать пять информаций о различных событиях в деятельности Литфонда.

Изданы литературно-художественный календарь на 2021 год со стихами поэта и иллюстрациями картин ставропольских художников: В. Шегедина, А. Бабича, В. Грибачева, И. Хоронько, П. Гречишкина, сборник седьмых Слядневских чтений, тиражи которых поступили в библиотеки края.

В детских художественных школах Кочубеевского, Изобильненского районов, в изостудии Промышленного района города Ставрополя проводились тематические выставки работ юных художников по произведениям поэта В. И. Слядневой. В литературных музеях Северо-Кавказского федерального университета, средних общеобразовательных школах № 13 и № 14 села Надежды Шпаковского района, в Ставропольской краевой библиотеке для молодежи имени В. И. Слядневой регулярно обновлялись выставочные экспозиции, посвященные поэту.

В целях популяризации наследия поэта В. И. Слядневой была подготовлена для публикации в научном сборнике Адыгейского государственного университета большая статья профессора СКФУ В. М. Головко. В семи краевых радиопередачах прозвучали архивные записи стихов и песен поэта в исполнении артистов театров края. Были опубликованы статьи о жизни и творчестве поэта и подборки стихов в газетах «Ставропольская правда», «Вечерний Ставрополь».

Звучали песни В. И. Слядневой о крае и городе Ставрополе на празднования Дней края и города в трансляции на площади Ленина, Крепостной горе и в парках Победы и Центральном. Театр Литературного центра и домашний театр М. Д. Литвинова в селе Старомарьевском Грачевского района показывали спектакли по произведениям поэта в школах города и края. Был проведен традиционный седьмой краевой конкурс чтецов по произведениям В. И. Слядневой, в котором приняли участие 132 юных чтеца, с присуждением лучшим юным чтецам денежных премий и дипломов Литфонда. С этой же библиотекой приняли участие в краевом литературном конкурсе «Юный фантаст». Со Ставропольской краевой детской библиотекой имени А. Екимцева приняли участие в проведении конкурса на лучшую детскую библиотеку с вручением премии имени С. Бойко, и конкурсе «Читай наших, знай наших». Совместно со Ставропольской краевой универсальной научной библиотекой имени

М. Ю. Лермонтова был подготовлен к печати второй том биобиблиографического сборника «Судьба в поэзии», посвященного творчеству поэта В. И. Слядневой. В этой же библиотеке совместно с СКФУ членами правления Литфонда имени В. И. Слядневой В. М. Головко и В. М. Лычагиным была организована и проведена в режиме ZOOM всероссийская конференция, посвященная известному ставропольскому писателю и просветителю Я. Абрамову.

Продолжилась в этом году и благотворительная деятельность: были присуждены именные стипендии двум молодым авторам и двум студентам-филологам, присуждена Литературная премия имени В. И. Слядневой известному ставропольскому поэту Е. Л. Ивановой. Оказана помощь в ремонте музея и обновлении мебели СОШ № 14 имени В. И. Слядневой в селе Надежда. Оказывалась материальная помощь больным писателям, вручались подарки писателям-юбилярам.

Члены правления Литфонда участвовали в крупных культурных акциях, проводимых министерством культуры и министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Ставропольского края, Ставропольской и Невинномысской епархией, Северо-Кавказским федеральным университетом и другими вузами края, творческими союзами художников, театральных деятелей, дизайнеров, композиторов и другими.

Из года в год некоммерческий фонд «Литературный фонд имени В. И. Слядневой» планирует свою работу, участвуя в общекультурном процессе Ставрополья и исходя из конкретных реалий этого процесса и, тем самым, выполняет свою гуманитарную миссию.

Живой родник души земной[1]

Иванова Елена Львовна,
поэт, лауреат литературной премии
имени В. И. Слядневой

Воистину прелестна первая книжечка юного поэта, если только перед вами поэт – истинный. В ней всенепременно явится вам мир лучистый, трепетный, нежно-розовый, как весенний рассвет. Мир, исполненный пробуждения чувств, переполняющих сердце и рвущихся наружу в слове; мир волшебных превращений, чудных надежд, нетерпеливых

[1] Иванова Е. Л. Бессмертного дара наследники: статьи о творчестве писателей / Ставрополь, 2021 – С. 122-133.

устремлений в будущее; мир, преображённый по законам красоты, источник которой – в сокровенной глубине человеческого сердца, жаждущего жизни и любви, что для него в эту пору одно и то же. Даже неизбежные тревоги и разочарования подобны здесь небесным раскатам первых майских гроз, после которых воздух пахнет озоном, а изумрудная зелень трав и древесных крон блистает влажной свежестью...

Я держу в руках небольшую, в ладонь величиной, книжечку небесно-голубого цвета с убегающей в даль стилизованной тропой, уставленной треугольными фишками условных деревьев, с багровым кругом солнца в отдалённой перспективе. Вдоль «тропы» снизу вверх тянутся чёрные буковки, слагаясь в название: ТРОПИНКА В СОЛНЦЕ. А вот и сама поэтесса собственной персоной на портрете, помещённом на обороте титульного листа: русская красавица с бровями вразлёт и по-девичьи нежным овалом лица, в уголках губ полуулыбка, взгляд задумчивых глаз, устремлённый в сторону за поворотом головы, лиричный, словно бы ушедший в себя, в глубину, ведомую только ей…

Но ведь книга-то вышла в свет в 1970-м году, автору уже немало – целых тридцать! Откуда же у читателя это ощущение юной жизни, сердцебиение которой обнаруживается в каждой строке, в каждом слове?

А всё дело в том, что поэзия – как гроза: здесь звук отстаёт от света, в творчестве, случается, не только на мгновения, но и на лета, на целые десятилетия. Наверное, потому, что нужны годы ученичества для овладения мастерством Слова в такой степени, чтобы уподобиться магу, факиру, способному звуками завораживать сердца.

Если бы меня спросили: о чём эти стихи? – я затруднился бы дать односложный ответ. Автора волнует буквально всё, обо всём она хочет сказать, и стихотворения рождаются так же естественно, как дыхание. «Когда читаешь строфы Валентины Слядневой, ощущаешь запах летнего ветра, слышишь звон кузнечика в траве; стихи полны света и чистой синевы неба, хрустящей свежести снега и смутной тревоги осенней рощи; стихи о молодости и любви, стихи о матери и матери-России», – так пишет о первой книге поэта в предисловии к ней поэт Иван Кашпуров, открывший в своё время для читателя новое поэтическое имя.

Теперь, по прошествии почти полувека, можно сделать заключение об этой счастливо состоявшейся человеческой судьбе: Валентина Сляднева сложилась в значительного писателя, поэта и прозаика, автора более двадцати книг стихов и прозы, ею в содружестве с композиторами созданы и записаны на диски проникновенные песни, посвящённые родному Ставрополью, его

людям, обживающим и украшающим своим трудом бескрайние степи, песни, воспевающие простое и вечное – жизнь, любовь, красоту земную.

…Ловлю себя на том, что тянет меня не говорить про то да сё, толковать написанное поэтом – хочется читать, впитывать его строки, наслаждаясь заключёнными в них образами, красками, картинами. Если станешь читать вдумчиво, неторопливо, откроется тебе большая и глубокая река человеческой судьбы, увлекающая тебя всё дальше и дальше в своём то тихом, то бурном течении. А начало этой реки – в далёком детстве, в стране счастливых грёз, в безоблачном счастье простого бытия.

Встану утром рано-рано,
Когда звёзды в небе гаснут.

В серой бурке из тумана
Побреду по сонным травам
Очарованным подпаском.

Разбужу до света стадо:
Степи, горы и равнины…

Заметьте: «стадо» у «подпаска» не простое, но «степи, горы и равнины» – то есть всё сущее на земле, весь огромный нескончаемый простор. Это глобальное представление о мире, заявленное уже в первых стихах Валентины Слядневой, станет постоянным свойством её мироощущения, проявленного со всей определённостью в последующем творчестве. Отсюда признание: «Не знаю, чей я взор, / Чей облик повторяю? / Окно я не во двор, / А в Космос отворяю».

И далее она разовьёт свою мысль:

Земли частица, космосу сестра я.
Но, может, оттого, что он вдали,
Его покуда я не понимаю,
Душой не отрываюсь от земли.

Валентина Сляднева – поэт почвенный, укоренённый в родную землю. Куда бы ни забросила её судьба, душа её, как перелётная птица, неизменно возвращалась к родному уголку земли: «И милый сердцу край я снова вижу / Сквозь крылышки танцующих стрекоз». Как много сказано здесь всего лишь двумя строками! Поэтический образ влечёт за собой ассоциативно картины знойного степного лета: где стрекозы, там и стрекотание кузнечиков, и шорохи чуткого камыша в речной заводи, и выгоревший под солнцем, как ситцевые платки у крестьянок, работающих в поле, плат неба… Включи, читатель, своё собственное воображение, и ты станешь соавтором поэта в его творческом

созидании своего мира, который окажется и твоим, таким же близким и дорогим тебе, как самому поэту.

Создаю я свой мир по утрам
Из полей и тревожных небес,
Когда холодно, сыро горам
И когда просыпается лес.

Создаю я свой мир (пусть звенит!)
Из травы и сиянья лучей,
Когда солнце уходит в зенит…
Создаю я свой мир из ночей.

Даже если вокруг ничего,
Ни тропы, ни звезды, ни огня –
Создаю я свой мир…

«Бог создал мир из ничего / Учись, художник, у него» – этот совет поэта Серебряного века (Константина Бальмонта), похоже, усвоила и наша поэтесса, скорее даже сама чисто интуитивно открыла для себя непреложную истину: всё в мире тускло, немо, бесцветно, покуда он не одухотворён живым человеческим чувством. Творец даёт жизнь Своему созданию, вдохнув в него дух живый, точно так же поступает и поэт, одушевляя и преображая всё зримое им чудесной силой вдохновения.

А вдохновение Валентина Сляднева берёт от родной земли, ощущая себя её живой светоносной частицей. Признания в этом мы находим тут и там в её стихах:

Я ладошкою закрою
Рану старую ствола.
Больно. Кажется порою:
Я берёзою была.

Или:

Я вышла из лесов:
Из речек иль озёр?
Наполнен ими до краёв
Мой взор.

И ещё:

На сосне золотистой кожа
С плеч моих, и лица, и шеи…
……

По стволу берёзы вновь
Сок течёт – моя кровинка!
Испокон во мне любовь
И к деревьям, и к травинкам.

Только ахнешь в восхищении от образной находки поэта, прочитав: «Как раскалённая плита, / Моя земля весной в тюльпанах». Тем и притягателен поэтический мир Валентины Слядневой, что предстаёт он перед нами обжитым, словно обласканным любовным взором, который отмечает во всём милые подробности: то это телёнок, уснувший в своём уютном углу «с травинкой на губах», то дрогнувшая былинка – «ношу понёс муравей», то это «полянка в душистых цветах, как невеста, / На свиданье пришла к ошалевшему маю».

Из вот этого ощущения неразрывной слитности с землёй, нерасторжимого единства с нею проистекает и жизненная философия поэта, в которой и он, всего лишь малая её частица, что-то значит в течение земной жизни:

Я каплей в речке становлюсь. И верю,
Благодаря и мне она течёт.

Вот это осознание неслучайности, необходимости в мире единичной, индивидуальной человеческой жизни и сообщает стихам Валентины Слядневой то чувство глобальности, о котором мы сказали выше как о свойстве, присущем в целом её поэтическому мироощущению.

В стихотворении «Нарисуй меня, Модельяни» поэтесса как бы воссоздаёт свой автопортрет, где она представлена скорее не как земное создание, но в образе самой земли. По судьбе её струится холод «И молитву не слышит Бог», между тем как уходит в небытие отец, уставший от земных дорог, уходит, как ушли безвременно – это понимаем мы из контекста других стихотворений – сотни и тысячи русичей…

«И поле Куликово всё лежит, / У моего лежит у изголовья», – говорит поэтесса в исторической поэме «Русь». Поневоле думаешь, какого же роста должна быть её лирическая героиня, почивающая таким образом? И тут это также не просто земная женщина, не человек, а сама былинная могучая Русь, раскинувшаяся вольно на все четыре стороны света…

Большая Родина – Россия, её нынешний день и историческое прошлое волнует автора в не меньшей степени, чем всё происходящее на родине малой «С долиной, где дремлет село под названьем Надежда». Через горестные, трудные судьбы земляков, родных и близких поэтесса естественным образом совмещает в стихах два плана – исторически отдалённый и близлежащий, рождая монументальный образ многострадальной Руси. Это она, Русь, в стихотворении «Плач каменной бабы» выпевает свою боль-тоску о пережитом в веках:

К милосердью судьбы я взывала порою не ра-а-а-з!
Натекли по слезинке моря и озёра из глаз
А-а-а-а-а…

А всё потому, что «Нас в землю втоптали и сняли с нас крест, / А мы всё живём и всё терпим» («Юрию Кузнецову»).

Поэт – это судьба. А у Валентины Ивановны судьба такая же, как у всего сельского трудового народа. К тому же она человек советской эпохи, воспитанный на принципах патриотизма, гражданственности, на русской классической литературе. Это во многом определило вектор её творческого развития, выбор тем для стихотворений и прозаических произведений.

Духовные корни судьбы поэта пронизывают не только самое близкое, лично пережитое, но и подпочвенные, глубинные слои, вступая в связь с судьбами прошлых поколений:

Мой дед кубанский хлебороб,
А бабка моя жница.
По сторонам моих дорог
Всегда росла пшеница.

Хлеб в стихах Валентины Слядневой становится синонимом жизни, её трудовой основы, о чём она говорит так: «Могу сравнить я с хлебом только хлеб, / А всё, что в жизни дорого мне, – с хлебом!»; «Бессмертье хлеба – в тёплой борозде, / Пускай бывал тяжёлым он и клёклым. Но только знаю я, – всегда, везде / Пред словом «хлеб» слова другие блёкнут».

Иначе и не может быть для поэтессы, которая выросла в сельской трудовой среде, и сама с детства знала весь ряд сельской усадьбы, знала, как достаётся хлеборобу главное его достояние:

Тут зной ходил, и пыль летела,
Страды минуты нелегки…
С сознаньем сделанного дела
Идут навстречу земляки.
…И как бы мир наш не хотели
Переиначить те, кто слеп, –
А человек скатёрку стелит
И посредине ставит хлеб.

Хлеб, домовито возлегающий на столе, колосящаяся хлебная нива, борозда, засеваемая зёрнами пшеницы – без этого нет поэзии Валентины Слядневой. От земли, её хлебного духа, кажется, происходит сама её поэтическая сила. Как хороши вот эти стихи, в которых запечатлена прелесть обыденного

сельского бытования, сдобренного праздничным духом свежеиспечённого каравая. Хочется привести здесь их полностью, без купюр:

Хлеб печёт сегодня мать,
Завязав платочек,
Сковородки подавать
Заставляет дочек.
– Только мне без сквозняков!
Жар от печки пышет…
Наготовит пирожков
И румяных пышек.
А потом на стол муки
Пригоршню подкинет,
И смеются колобки,
Мячики такие!
Хлеб посадит в печь
И вслух
Скажет: «Слава Богу!»
И весёлый хлебный дух
Потечёт в дорогу.

В стихотворном рассказе о сельском хлебопёке «Ноздреватый, румяный, губастый / Хлеб лежит на льняном рушнике».

А растёт это чудо из земли-матушки-кормилицы, и оттого старик, отдавший ей все свои силы, «Как чудотворной, кланяется пашне».

На таком-то харче и вырастали всегда русские былинные богатыри, выросла на нём и наша поэтесса. Не хилой и субтильной, но ядрёной телом и крепкой духом дивчиной, на которую не случайно заглядывались парни.

Человек, слившийся с природой, родной землёй, живущий её настоящим, прошлым и будущим, иным и не может быть. Не удивительно, что для лирической героини Валентины Слядневой небосвод всего лишь зонтик: «Буду я петь колыбельную, слушать предания / И, словно зонтик, качать небосвод голубой». А в другом стихотворении, давая решительную отповедь своим недругам, автор не случайно же скажет: «Мне пропасти все – до колен!» И как вывод: «Гвоздя не устрашусь я мирового». Это признание – из пласта самосознания всё той же человеческой личности, которая, как мифический Антей, черпает свою силу от соприкосновения с землёй.

В лирической героине Валентины Слядневой проглядывает натура сильная, деятельная, исполненная воли к жизни и энергии борьбы. К тому же

натура эта мыслящая, многодумная. И все свои думы она доверяет заветной тетради, а если быть точнее – читателю:

Всё иду к тебе, Читатель,
Каждый вечер, каждый день я,
То смеясь, то горько плача,
После тризны, дня рожденья…
Для тебя я отнимаю
Вновь себя у крымских пляжей,
И дорог моих стозвонных,
И цветений белопенных…

Читать стихи Валентины Слядневой – значит внимать исповеди беспокойного человеческого сердца, вести неспешную задушевную беседу с интереснейшим собеседником, которого волнует и трогает всё на свете…

Как же сотворилась эта неординарная человеческая личность?

Чудо явления поэта необъяснимо, только промыслом Божиим можно объяснить его. Ведь вроде бы ничего особенного не происходило в жизни будущей поэтессы, всё как у всех.

Родилась Валентина Ивановна Сляднева 22 декабря 1940 года в селе Надежда Ставропольского края Шпаковского района. Год рождения нуждается в уточнении. Сама поэтесса уверяла, что так значится в паспорте, а на самом деле явилась она на свет в 1941 году. Разночтение не случайное: просто девчонке надо было помогать семье, а на работу «малолетку» не принимали, вот и пришлось пуститься на маленькую хитрость – прибавила себе годок. Так это или иначе было – не столь важно, однако разъяснение даёт представление об условиях существования будущей поэтессы.

Семья её была большая: она оказалась в ней пятым ребёнком, а после родится ещё и младшая сестрёнка, итого шестеро детей. Мать всю жизнь занималась крестьянским трудом и заботами о своём немалочисленном потомстве. Сельским тружеником, что называется, от земли, от сохи, был и отец, вернувшийся домой по окончании войны с пустым рукавом вместо руки – правой, той, без которой человек не работник. («Бродят по телу осколки у бати, / Ноет рука, что забрала война»…)

Надо ли говорить о том, как нелегко жилось семье в военные и в первые послевоенные годы. «Я огненного времени птенец» – скажет о себе поэтесса, её духовная память снова и снова будет возвращать её в те годы, когда не только их семья – вся страна напрягалась в боях и трудах по восстановлению разрушенного войной.

Валентина, как и все её братья и сёстры, рано приобщилась к труду. Сельский труд нескончаемый – от утренней зари до вечерней. Даже не выходя со своего подворья можно за день до того натрудиться, что ног под собой не будешь чуять к вечеру. Тут и уход за домашней живностью, и в хате прибраться надо, и по воду сходить, сбегать на речку простирнуть бельё, успеть прополоть и полить в огороде грядки, присмотреть за младшими… Всё старалась успеть Валюшка. Из детства запомнилось ей, как мела глинобитный пол в саманной хате, как выкладывала камнями-голышами тропку от порога к воротам, чтобы не приходилось грязь месить ногами в непогоду, как собирала по холмам, где бродило деревенское стадо на выпасе, кизяки для топки печи. Запах чабреца, полыни, кизячного дыма станет для неё запахом домашности, родного очага.

«Живых» денег у сельчан почти не водилось в то время: работали «за палочки» – трудодни, которые, если и оплачивались, то всё больше натурой – зерном, комбикормом. Получить деньги можно было с рынка, продав излишки сельскохозяйственного труда. За много километров приходилось ходить в город на базар матери с Валюшкой, неся на себе тяжёлые узлы, сначала в гору, потом под гору. С ранних лет узнала девчонка, как достаётся трудовой рубль.

Её трудовая биография началась очень рано: с пятнадцати лет пошла работать в совхоз села Надежда. Приходилось делать всё, без чего немыслим сельский уклад, – работа в овощехранилище, на току, на свекловичном поле... Зато, по её признанию, в нелёгкой жизни ей всегда подставляла плечо «девчонка, что была чернорабочей».

Девчонка эта десятилетку заканчивала в вечерней школе рабочей молодежи. Довелось поработать и уборщицей, и продавцом за прилавком магазина. Затем поступила на историко-филологический факультет Ставропольского педагогического института.

Помнит, как волновалась, идя на свой первый в жизни урок. Преподавала (правда, недолго) любимые предметы – русский язык и литературу. Было это уже далеко от родного дома: выйдя замуж за военного летчика, жила на Южном и Среднем Урале, в Заполярье, в Германии. А в конце концов прочно и основательно обосновалась на родном Ставрополье.

Биография как биография, ничего особенного, из ряда вон выходящего. Особенным было то, что возрастало в ней незаметно для других.

Вот черпает она бадейкой воду из ручья для полива грядок и застывает в непонятном для самой себя восторге: прямо в бадейку плывёт крохотное облачко, похожее на только что снесённое курочкой розовое яичко. Через годы вспомнится картинка из детства, и напишутся строки: «Люблю зачерпывать бадьёй / Я небеса из речки!» Уже тогда, когда в памяти откладывались незабываемые впечатления детства, формировался в ней поэт. Слова придут позже…

В казачьей станице я вольно росла,
Доила корову, отару пасла…
И были со мною одни в целом свете
Небо, да солнце, да нежный ветер…
……

Прошли годы. В Ставрополе, неподалёку от той площади, на которой некогда были торговые ряды, где за прилавком случалось увидеть румяную, крепко сбитую ясноглазую девушку, стоит старинное здание бывшего КрайЗО (краевой земельный отдел, так называлось в прошлом краевое управление сельского хозяйства – будущий минсельхоз края). Сегодня в нём размещается краевая библиотека для молодёжи, названная именем этой девушки, ставшей известной в крае писательницей.

Ушла из жизни Валентина Ивановна на 73-м году жизни от тяжёлой болезни, которая многие годы подтачивала её физические силы. Последний приют нашла она на сельском кладбище родного села Надежда, рядом с могилами, в которых покоятся дорогие ей люди.

Я сказала – «ушла» и тут же спохватилась: как-то это неприемлемо звучит в случае с человеком, голос которого мне так явственно слышится в каждом его слове.

Извечный мотив неизбежности расставания со всем, что дорого земному смертному человеку, в стихах Валентины Ивановны, естественно, небеспечален, но в то же время не несёт в себе тоски и уныния. И хотя её лирическая героиня по-человечески завидует «каменным фрескам, пирамидам, стоящим века», земля в этих её размышлениях о конечности индивидуального человеческого бытия, по-прежнему не прах, но созидающее, вечное начало. «С головой землёй укроюсь. Ни гу-гу», – так говорит поэтесса о неизбежности, как будто её ждёт впереди вовсе не погребение – просто укроется она землёй с головой, словно одеялом. «Я стану землёю!» – почти ликующе восклицает она, поскольку в её представлении, восприятии индивидуальная смерть – это лишь продолжение вечной жизни человеческого рода в грядущих поколениях:

…Навеки земля сохранит
Мою женскую суть:
Цветами и травами
Правнукам выстелю путь.

…То, что я рассказала здесь в сравнительно небольшом сообщении о жизни и творчестве моей коллеги по литературному труду, с которой мы почти одновременно вступили на эту стезю, – лишь самая малая часть большого

айсберга, который носит имя – Валентина Сляднева. При этом хочется, чтобы последнее слово осталось за поэтом:

Смешались краски в круговерти,
Размыло радость и беду.
Не от рожденья, а от смерти
Я новый счёт делам веду.

Всё чаще в сердце боль утраты,
Я рощи нахожу по пням.
Погост на холмике покатом
Кто приторочил к моим дням?

Я оглянусь и занемею,
не смахну слезы с лица…
По бровке чувств иду ровнее –
Не от начала, от конца.

Куда можно идти «от конца»? Только в бесконечность Вселенной. И об этом она сказала в самом начале своего Пути, в первой своей махонькой, лёгонькой, как птах, и такой же пернатой по природе своей книжечке: ПРЯМО В СОЛНЦЕ ИДУ!

Постскриптум

Однажды Валентина подарила мне собственноручно связанные ею домашние тапочки. И этот подарок, означавший дружественный жест, неожиданно для меня самой вошёл вот в это стихотворение…

Черевички

Черевички из пряжи горчичного цвета…
Я на них ненароком как только взгляну –
Вмиг прихлынет волна, из тепла вся и света,
И вхожу с головою я в эту волну.

Сад пригрезится мне у речного затона.
В кружевах белокипенных, свеж, духовит.
И она, молодая, васнецовской мадонной,
Что с крестьянкою схожа, под черешней стоит.

Озаряет лицо её полуулыбка…
Солнца зайчик у самой скакнёт головы,
И в глазах синева заколышется зыбко,
Полыхнут изумруды в них юной листвы.

Перепачканы руки (куда же тут деться!
Украшения им всё равно не носить).
Нянчат нежный росточек, как будто младенца,
Перед тем, как в земельку его посадить.

Розу алую памяти в сердце храним мы,
Оставляя колючки шипов в стороне.
Всё на свете, что ею так было любимо,
Вдохновенья минуты дарило и мне.

Вот плывут облака, как отара овечья,
Отражаясь в потоке Мамайки-реки…
Запах дыма кизячный, гуд пчелиный над гречей,
От костра ввечеру красных искр мотыльки…

Ничего-то в них нет, что достойно навечно
Занесённым быть в книгу земной красоты.
Только обнял поэт их любовью сердечной –
И глазами его уже смотришь и ты.

Черевички из пряжи горчичного цвета…
По ноге они, впору, но я не ношу.
Посмотрю – и душа дружелюбьем согрета,
Подержу их в руках и в комод положу…

Творческая индивидуальность В. И. Слядневой как историко-литературная проблема

Головко Вячеслав Михайлович,
профессор СКФУ, доктор филологических наук

Творческая индивидуальность В. И. Слядневой, поэта и прозаика, идентифицируется в концептуальном единстве теоретического и историко-литературного подходов к проблеме, в процессе освещения основных дефиниций данной литературоведческой категории. Рассматриваются формосодержательные особенности творческой манеры и образного мышления известной ставропольской писательницы, объективирующиеся в идиостиле и определяющие специфику её художественного дискурса. Устанавливается и аргументируется доминантная проблематика творчества, природа пафоса и идейно-эстетического идеала В. И. Слядневой. Отмечается, что укоренённостью в народной культуре, народном миросозерцании и языке обусловлены формы

выражения авторской нравственно-эстетической позиции, философичность художественного взгляда на мир, воплощаемого в анализируемых произведениях.

Ключевые слова: *творческая индивидуальность писателя; художественная аксиология; народность; бытовое и бытийное; этнокультурная идентификация.*

Реальная личность писателя (автор биографический) и творческая индивидуальность писателя (автор как носитель творческой концепции произведения, автор как выражение взгляда на мир, фиксируемого в художественном высказывании) – это понятия связанные, сопряжённые, но не тождественные. Неповторимое своеобразие художника слова во многом определяется контекстом социально-исторического развития и эволюцией художественного сознания, эстетикой того литературного направления, к которому он принадлежит. Творческая индивидуальность Валентины Ивановны Слядневой (1940-2013), представительницы литературы Ставрополья и Северного Кавказа второй половины XX – начала XXI века, во многом обусловлена укоренённостью её поэзии и прозы в народной культуре, в народном миросозерцании, в народном языке. Не случайно образ малой родины незримо, но сущностно определяет внутреннюю атмосферу её художественных созданий. Это не только неиссякаемый источник вдохновения, тематического богатства, но и «уголок земли», сохраняющий нравственные устои подлинно человеческого бытия.

Этот образ в художественном мире В. И. Слядневой перерастает локальные рамки, приобретает универсальный характер, разрастается до пределов России:

Спит журавль колодезный,
Сена стог за межой.
Слита навек в моём сердце
Малая родина
С Родиною большой.

(«Машут деревья кронами…») [2, с. 174]

И в то же время – до пределов мироздания:

Хлебая дожди и дрожа от грозы,
И слушая чьи-то рыданья,
Пытаясь понять мирозданья азы,
Хоть сами та ж пыль мирозданья…
Не прячемся от мирового суда –
И крест свой нести нам по силе…

О чем бы ни шёл разговор наш – всегда
Он будет о нас, о России.

(«Юрию Кузнецову») [3, с. 9]

Образ Родины в произведениях В. И. Слядневой является средоточием «духовной» и «литературной биографии» автора – важнейших составляющих творческой индивидуальности писателя [см.: 6; 7]. В своё время мыслитель и талантливый литературный критик эпохи Серебряного века Ю. А. Айхенвальд так определял суть «духовной биографии писателя»: «Внешняя жизнь сама по себе ещё ничего не значит. А жизнь внутренняя, то, что только и важно, сама скажется в творении писателя, хочет он того или нет» [8, с. 23]. Художественное творчество предстаёт как форма индивидуального вѝдения мира – и это непременное качество подлинного, настоящего искусства.

Но роль творческой индивидуальности писателя в литературной жизни, в культуре народа определяется не самим по себе индивидуальным вѝдением мира, а, как справедливо отмечал в своё время акад. М. Б. Храпченко, в создании общезначимых духовно-эстетических ценностей [9, с. 68], в художественных открытиях, обогащающих культурный опыт, в обновлении литературных традиций. Большое значение для становления и формирования индивидуальной неповторимости творческой личности имеет приобщение к накопленным человечеством знаниям, к тому пониманию природы и сущности человека, к истории той философской рефлексии бытия, которые накоплены отечественной и мировой культурой. По словам акад. А. С. Бушмина, «новаторство писателя – это совокупный результат действенного проявления его таланта, жизненного опыта, заинтересованного отношения к запросам своего времени, высокой общей культуры и, конечно, профессионального мастерства, основанного на знании художественных образцов». «Изучение опыта мастеров, – продолжал учёный, – позволяет художнику найти свои, новые формы, наиболее полно отвечающие волнующим его идеям и темам» [10, с. 137]. Традиции высокой русской литературной классики хорошо ощутимы во всех творческих созданиях ставропольской писательницы. Её поэтической школой стали произведения народного поэтического творчества, великих поэтов России XIX и XX веков. Без освоения такого наследия невозможно себе представить подлинного художника. Именно в этом смысле М. М. Бахтин говорил о том, что настоящий писатель, творчество которого отвечает критериям художественности, «подготавливается веками».

С этой точки зрения значимо то, что в лучших произведениях В. И. Слядневой соприродность человеческого существования и мирового целого фиксируется средствами народной поэтической образности и архетипами

художественно-философского мышления, воспринимаемыми как традиция мировой культуры. Голос поэтессы начинает звучать в унисон с медитациями великих писателей-классиков, возвышавших человеческую экзистенцию, человеческую мысль над безличностью всесильной Природы.

Вот пример дерзостного поэтического самовыражения поэтессы:

…Даже если вокруг ничего –
Ни тропы, ни звезды, ни огня –
Создаю я свой мир. И его
Бесконечность пугает меня.

«Создаю я свой мир…» [2, с. 281]

Внутренняя соотнесённость неповторимо-индивидуального, единичного и всеобщего создаёт такую философскую ситуацию, когда человек, «мыслящий тростник» (Блез Паскаль), «злак земной» (Виктор Боков), пытается понять «мироздания азы». В творчестве В. И. Слядневой выражено представление о таком истинно человеческом бытии, когда «личное» не перерастает в «частное»: личное «я» предстаёт в произведениях поэта как конечное сущее, как часть бытия, которое входит в мир и вбирает в себя мир. Читая лирику и рассказы В. И. Слядневой, в полной мере осознаёшь, что творческая индивидуальность писателя проявляется в оригинальности его художественных обобщений, в самобытности его художественной философии, в неповторимости его поэтических интонаций и словесных изобразительно-выразительных средств.

В картине мира произведений В. И. Слядневой природа предстаёт как одухотворённое и одухотворяющее всё живое гармоническое целое, где всё взаимосвязано, взаимозависимо. Природа художественно определена как высший ценностный критерий, а высота духовных проявлений человека рассматривается как животворение самой природы. Так, в прозе писательницы герои рассказов стараются всё делать «ради того, чтоб сила была у земли от ласки людской, чтоб люди умели беречь в себе то, что давала им земля» (рассказ «У чёрного тополя»). Этими образами выражается авторское понимание сущности человека, и не случайно для манеры повествования в этих произведениях характерным становится принцип внедрения голоса автора-повествователя в точку зрения, в слово героев при максимальном сближении «живой жизни», быта, феноменологии повседневности и «законов мирозданья».

Художественная образность В. И. Слядневой характеризуется новизной редкого сплава, редкого сочетания «прозаического», «обыденного», «бытового» и философского, бытописи и лирики. Можно даже сказать, что бытопись становится формой народности в её творчестве, выражением национального образа мира в созданных ею произведениях.

Я заодно с землёй, с роднёй!
Вот вновь бегут с крылечек…
Люблю вычерпывать бадьёй
Я небеса из речек.

«Я на земле своей родной…» [2, с. 172]

Лирика и проза Слядневой только выигрывали от такого сближения «бытового» и «бытийного». Обновлялась образная система, становилась оригинальной композиционная и ритмико-интонационная организация произведения. «Заземление» стиха в расширяющейся перспективе поэтического взгляда на мир придают лирике поэта живое звучание, непосредственность в обращённости к чувству и мысли читателя. В такой системе изображения органичным является ценностное уравнивание, например, «избы с крышей – на два ската» с «лугом земным» и даже «солнцем» («Иван в простой избе родился…»). В. И. Сляднева нередко образ пространства и времени концентрирует в хронотопе «дома», но достигает при этом максимального раскрытия как лирического «я», так и сущности человеческого бытия.

В её художественном мире нет дистанции между настоящим «живого», конкретного человека и всеобщим бытием. Сближение двух полюсов – единичного и «космического», человеческого и природного составляет суть художественного мышления В. И. Слядневой:

Усталое солнце на крышу сарая
Легло, отдохнуло, скатилось в туман,
Глухая старуха в избе умирает
И шепчет неслышно:

«Жизнь – это обман…»

Или:

Скажи мне, свет Луны,
Я создана тобой?
А к морю выйду я,
Подумаю: «Прибой
Летучих волн
Мне тоже, видно, из родни:
Движения души у нас порой одни».

«Я вышла из лесов?..» [2, с. 205, 165]

В этой предметности и универсальности художественного видения чувствуется жажда обновления как содержания творчества, так и поэтики. Искусство создания мирообраза в поэзии Слядневой определяет особенности её

идиостиля, силу художественного обобщения. Метафорическое мышление, эпитет, который нередко материализует такое мышление, может поразить любого ценителя словесного творчества: «Держала нежно хвоя / Луч солнца на весу…» («Встреча под Магдебургом»); «Солнце завтра в окошко глянет, / Обнародовав новый май» («Нарисуй меня, Модильяни!») – эти и подобные тропы в их метафорической смелости и смысловом избытке являются ключом к идейно-эстетическому целому произведения как факту художественного познания. «Раненая память», «знамён пульсирующий цвет», «огненного времени птенец» и т. д. – такие неожиданные эпитеты из стихотворений цикла «Солдатские кресты» значимы в поэтическом создании синтеза трагического и возвышенного, того единства отрицания войны и утверждения мира, неразрывности героического прошлого и его переживания в настоящем, которое определяет пафос и эмоциональный строй произведений о Великой Отечественной войне.

А вот строки стихотворения, входящего в книгу «Я огненного времени птенец», посвящённого Памяти о Великой Отечественной войне, тем защитникам Родины, которые навсегда остались на полях сражений:

О войне я стихов не пишу
И в слова о смерти не играю; –
А с бойцами в бой сама хожу
И не понарошке умираю.
Жизнь поит меня живой водой,
Радует весенним благовестом…
Я лежу под каждою звездой
И под каждым холмиком безвестным.

«О войне стихи я не пишу…» [1, с. 7]

Это тот же масштаб изображения, что в известном стихотворении Сергея Орлова 1944 года:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат…

«На алтаре души россиянина, – писала В. И. Сляднева, обращаясь к своему Читателю, – всегда были высокие идеалы и цели» [4, с. 5]. В мыслях своих и авторских помыслах она неизменно возвращается к «истокам красоты» как в природе, так и в человеческих отношениях. В стихотворных циклах «В пределах Бориса и Глеба», «Хочу поездить по земле…», «Яблоко судьбы», «Солдатские кресты», «Зов России», «Спит журавль колодезный», «Роща белая, словно лебедь», «Кварты», «Портреты», в рассказах «По ту сторону радуги», «Полоска земли», «У чёрного тополя», «Перепелиная душа», «Вслед жизни» и

других звучит чистая нота веры в человека, в его разум и надежда на чувство сопричастности к утверждению добра на земле. Цикл «Портреты», посвящённый великим поэтам, художникам, философам, деятелям культуры, представляет собою не только эстетическую декларацию поэта, но и раскрывает суть той социально-нравственной позиции, с которой освещается как прошлое, так и настоящее России. В стихотворении «К Маяковскому» дана, например, такая оценка современным процессам реставрации капитализма:

Все распроданы и раскрадены…
Но грядёт оно, время судий!
Петь Отечество Вам, громадина,
То, «которое есть и будет»!

[2, с. 299]

Факторы, активизирующие самоактуализацию писателя в художественном творчестве, – как объективные, так и субъективные, – оказывали своё воздействие на становление эстетической системы В. И. Слядневой как неповторимой творческой индивидуальности. Импульсы, рождаемые социальной историей, многое определяли в содержании её произведений. Эстетическое созерцание талантливого поэта становится выражением его действенного отношения к миру, к человеку. По-особому это отношение выражено в тех стихах, в которых доминирует гражданский пафос. Мысли о родной стране, о времени, об исторических судьбах поколений рождены социальным опытом автора, крепко связанного с народом и его культурой. В произведениях Слядневой гражданственность не противостоит поэтичности, напротив, запечатлевается в образе переживания, имеет глубинный, а не декларативно-риторический характер.

Но не менее важными были и субъективные условия, то есть то, что порождалось жизненным опытом, самой природой литературного дарования поэтессы. По природе своего таланта В. И. Сляднева – лирик. Таковой она остаётся и в поэзии, и в прозе, всегда ярко окрашенной эмоционально-личностным отношением к изображаемому. Искусство художественного синтеза, поэтическое начало проявляется не только в выразительных средствах языка, в интонации и ритмически организованном повествовании, но, прежде всего, – в жанровой поэтике и нагрузке на слово, на его смысловые и ассоциативные ресурсы [см.: 11]. В «малой прозе» Валентина Сляднева предстаёт перед читателем таким же мастером художественного высказывания, как и в поэтическом творчестве.

При всём том, что есть немало оснований для причисления В. И. Слядневой к числу так называемых «тихих поэтов», внутренняя атмосфера её

поэтических созданий является остро конфликтной, эмоционально напряжённой, «бунтарской», характеризуется резким противопоставлением картины мира лирической героини всему, что противостоит высоким смысложизненным ценностям и нравственным абсолютам. Типологической общностью художественного метода В. И. Слядневой как поэта и прозаика с искусством реализма обусловлены формы самоощущения и лирического самовыражения в её поэзии. Эти формы в соответствии с реалистической эстетикой доминирующего во второй половине XX века литературного направления приобретали в лирике и прозе В. И. Слядневой универсальный характер. Она очень чутко реагировала на эстетические запросы времени. Во многих её произведениях, воссоздающих уклад сельской, крестьянской жизни, знакомой поэту с детских лет и воспетой ею в поэтической книге «Нашептали мне колосья…», «онтология повседневности» становится формой эквивалентного выражения чувства Родины, бытийной концепции автора.

В творчестве В. И. Слядневой Слово и Поэзия изначально сосредоточивают в себе духовную жизнь и культурную память народа. Сегодня почти забытым является само понятие народности творчества писателя, но именно этим свойством обеспечивается жизнь его произведений во времени, их соответствие социокультурному контексту любой эпохи. Нравственные критерии трудового народа, созидающего духовные и материальные ценности, определяют социально-эстетический идеал автора-творца. Как писал в рассказе «Яков Пасынков» И. С. Тургенев, для человека, без напряжения вступающего в область идеала, слова «добро», «истина», «жизнь», «любовь» «никогда не звучат ложным звуком» [5, с. 204].

Такому человеку открываются высоты духа. Ощущение высоты духа позволяет воспринимать родную землю как олицетворение Родины, наполнять этот реальный образ символическим смыслом, связывать с ним утверждение человеческого в человеке.

…Наливается соками,
Набирается силою
Снова слово высокое
О любви и России.

«О любви и России» [2, с. 168]

Литературная репутация писателя определяется многими факторами – от социокультурной ситуации в стране определённого времени до обстоятельств его личной судьбы и особенностей творческой биографии. Но прежде всего репутация писателя зависит, как говорилось выше, от глубины его философского миропонимания, от мастерства, от роли творческой индивидуальности в

историко-литературном процессе. По масштабам своего дарования ставропольская поэтесса Валентина Ивановна Сляднева занимает достойное место среди тех, кого читательская общественность, литературные критики и профессионалы-литературоведы относят к числу талантливых мастеров словесно-художественного творчества.

Библиографический список:

1. Сляднева В. И. Жизнь сама – такая быстрая дорога!.. // Литературная Россия. – 2015. – № 8. – С. 6–8.
2. Сляднева В. И. Одолень-трава: Лирика. – М.: Литературный фонд России, 1999. – 640 с.
3. Сляднева В. И. «Хрустальные брызги водопадов памяти…» // Литературная Россия. – 2019. – № 2. – С. 8–9.
4. Сляднева В. И. Собрание сочинений: в 5 т. – Т. 4: Перепелиная душа. – М.: Дружба литератур, 2014. – 448 с.
5. Тургенев И. С. Яков Пасынков // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. – Сочинения. – Т. 6. – М.; Л.: Изд–во АН СССР, 1963. – С. 192–234.
6. Непомнящий В. С. Дар. Заметки о духовной биографии Пушкина // Новый мир. – 1989. – № 6. – С. 241–260.
7. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-литературном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. – СПб: Искусство-СПБ, 1997. – С. 804–816.
8. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. – М.: Республика, 1994. – 592 с.
9. Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы / 4-е изд. – М.: Художественная литература, 1977. – 446 с.
10. Бушмин А. С. Преемственность в развитии литературы. – Л.: Наука, 1975. – 160 с.
11. Головко В. М. Герменевтика литературного жанра / 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2019. – 184 с.

«Где подушки с прошвами…»

Дмитриченко Валентина Гапуровна,
поэт, член Союза писателей России,
лауреат литературной премии
имени В. И. Слядневой

Научится ли когда-нибудь человек ценить то, что имеет, или на роду ему написано сожалеть об утратах и упущенных возможностях задним числом? И только потом, когда ничего уже изменить невозможно, он отчётливо понимает, что жизнь тянется долго, да быстро проходит. Сколько моих друзей, коллег – хороших писателей покинуло этот мир за несколько последних лет – пальцев на руках не хватит пересчитать. Есть среди них и те, кто оставил значительный след в моей судьбе: Раиса Котовская, Николай Ляшенко, Сергей Бойко, Елена Иванова, Николай Бондаренко и, конечно же – Валентина Сляднева.

О Слядневой Валентине Ивановне мне хотелось бы сказать особо, потому, как и человеком она была особенным, и поэтом от Бога. Неугомонная, хлебосольная, участливая, она была нам матерью и наставником. К тому же строки её стихотворений были настолько чисты и искренни, что не вызывали ни малейшего сомнения в их правдивости. Поэзия Валентины Ивановны, как ничья другая, умела окунуть меня в воспоминания о моём деревенском детстве, молниеносно перенести меня туда – к самому началу, к отчему порогу, без которого жизнь теряет всякий смысл и всякую ценность. Взять хотя бы воспоминания самой Валентины Ивановны: «Заезжий художник на топчане во дворе у соседки рисовал «ковры» масляной краской – где плещет синева, где розы цветут, и птицы круги чертят. Бегу я к маме: Холста уже не остаётся! Не будет у нас коврика!» Косынку беленькую кидает на голову, деньги в кулачок зажимает… «Вот он, твой коврик!»

И у нас, где подуши с прошвами
По водице поплыли лебеди…
Я их глажу, пёрышки трогаю,
И молчат они, безответные,
А отец мой и мать растроганы,
Что мечты у меня разноцветные»

Я ахнула, прочитав эти строки впервые. Я провалилась не то в сказку, не то в сон, так тепло и так сердечно изобразила она чувства маленькой девочки с разноцветными мечтами, словно моими глазами посмотрела на мир. Ну, у кого в доме в те незапамятные времена не было такого коврика? На стене у

моей кровати с соломенным тюфяком висел такой же коврик и я, глядя на эти сказочные пейзажи, уносилась мыслями туда, где плавали эти большие белые величественные птицы. Скажу без тени смущения, что я и сейчас, по прошествии стольких лет, считаю, что прекраснее и ценнее этого коврика в нашем маленьком домике не было ничего. Умение увидеть в обычных вещах то, что не могут видеть другие, а затем законсервировать небольшой отрезок времени, превратив его в маленький шедевр – качество присущее только настоящему художнику, каким, вне всякого сомнения, была Валентина Ивановна Сляднева. Городской житель не всегда поймёт того, кто родился и вырос в деревне, и уж тем более не станет восторгаться увиденным. Ведь деревня – это не только и не столько красивые пейзажи, это в первую очередь каждодневный, нелёгкий труд каждого члена семьи – от мала до велика. Там не делаются скидки на возраст, но где бы он ни жил потом, и что бы ни делал, он будет постоянно возвращаться туда, где получил первые уроки любви и добра, он никогда не забудет того, что вошло в него маленькими крупицами и помогло сформировать чувство прекрасного – т. е. чувство Родины.

Мимо поля, стога, золотого дня,
Эта ли дорога увела меня?
Веткой клёна лето машет, как рукой.
Не моя ли это хата над рекой?
И вот апогей этого стихотворения:
Постою минуту побегу к реке,
Распугаю уток в синем лозняке.
Пусть вода стекает с плеч в наш огород.
Пусть всплеснёт руками мама у ворот!»

Картина акварелью, уносящая меня в моё детство, в мою деревеньку, к моим истокам, где недалеко от дома было небольшое озерцо, поросшее рогозом, и всякой водоплавающей дичи там было видимо-невидимо, особенно в разгар перелёта. Прибегала я к этому озерцу, чтобы посмотреть на уток и гусей, а они взлетали с поверхности воды, обдавая меня брызгами с ног до головы.

…Первое, что взрывает твой мозг, когда узнаёшь печальную весть это слово «Никогда!». Это даже и не слово, это боль, отчаяние и нежелание поверить в то, что уже никогда ты не услышишь голоса этого человека, не спросишь у него совета, не посидишь с ним за чашкой чая… И сразу приходят на память строки из стихотворения Валентины Ивановны:

— Какие невзгоды? Помилуй! —
Их нет у меня ни одной! —

Воскликну, простясь у могилы,
Навеки с душою родной.
Одно есть несчастье – под этим
Холмом неподвижно лежать,
Не быть за другого в ответе,
Не кликать и не провожать…

Совершенно невозможно было представить именно её – Валентину Ивановну, лежащую «неподвижно под этим холмом», но последняя наша встреча в сентябре месяце, вселила в моё сердце непреходящую тревогу. В висках пульсировало: «Только не это! Только не это!» По возвращении домой, я записала коротенькое стихотворение, которое сложилось у меня в голове за время пути.

«Господи, не суди меня,
Что смею тебя просить
Звуки родного имени
Без грусти произносить.
Надежда тончее волоса.
Бичую себя виной.
Но хриплым её голосом
Век говорит со мной.
Слушаю назидания,
Лоб подперев рукой…
Боже, твоё создание
Просится на покой.
Молитвы исповедальные
И песни её храни.
И двери свои хрустальные
Душе её распахни!

Книги стихов В. И. Слядневой всегда лежат у меня на моём рабочем столе. С ними мне легче жить и понимать суть вещей, с ними мне легче принимать людей такими, какие они есть. А самое главное – глядеть на мир глазами поэта, отыскивать в нём всё самое хорошее, аккумулировать это в своём сердце, а затем, переплавив всё увиденное в тигле своей души, безвозмездно дарить людям.

Светлая душа – Михаил Данилович Литвинов

Дружинина Тамара Дмитриевна,
журналист, заслуженный
работник культуры РФ, член СТД РФ

Михаил Данилович Литвинов – артист и режиссер Театра одного актера «Оптимисты» из станицы Старомарьевка Грачевского района – лауреат премии имени В. И. Слядневой. За более чем сорок лет работы он удостоен многих наград. Самые дорогие – победа в Общероссийском конкурсе социальных проектов «Наш Город» в номинации «Наш дом»; звание лауреата Международной премии «Филантроп» и V Всероссийского фестиваля особых театров «Протеатр». Он победитель краевого конкурса малых форм театрального искусства «Русь, Россия – Родина моя», имеет многочисленные награды за участие в зональных и краевых конкурсах.

Сегодня Народный домашний театр-студия «Оптимисты» заслуженного работника культуры РФ М. Д. Литвинова знают не только в крае, но и в стране.

Это уникальный человек, который в наше непростое время верен себе и непреходящим духовным ценностям. Знаю Михаила Даниловича не меньше двадцати лет. Но по-настоящему поняла и оценила его творчество в последние годы. Это годы, когда болезнь заставила Литвинова «обживать» инвалидную коляску и менять профиль работы. Театр (как и название «Оптимисты») остался, но теперь это Театр одного актера. Мне довелось лично присутствовать на сдачах и обсуждениях всех его моноспектаклей с членами худсовета, коллегами из регионального отделения Союза театральных деятелей РФ.

Сегодня могу признаться – я не знаю, где он, «особенный» человек в инвалидной коляске, берёт силы, когда один за другим задумывает свои спектакли, воплощает их в жизнь, а затем принципиально БЕСПЛАТНО (!) показывает зрителям в своем Домашнем театре?! Из каких неведомых сфер черпает энергию? Как, словно солнечные лучи, приходят к нему идеи, всегда абсолютно оригинальные. Откуда смелость в замыслах и решимость, немыслимая работоспособность при их воплощении?

…Сливаясь с кадрами видеоряда спектакля, голос артиста на сцене то уходит в шепот, то, набирая объёма и силы, начинает по-молодому греметь. И это просто какая-то загадка, ведь в обычной жизни он у «Данилыча» скорее слабый, чуть хрипловатый, говорок местный, порой переходящий в шутливую скороговорку. Но по ходу спектакля голос начинает существовать как бы отдельно от артиста, жить своей: то сосредоточенной, то драматичной, расцвеченной всеми цветами радуги – жизнью.

За последние три года Литвинов подготовил одиннадцать (!) спектаклей: пять православных, шесть гражданских, патриотических. И всякий раз это было ОТКРЫТИЕМ, заставляющим зрителей смотреть совершенно по-новому на автора или тему. Один из них – «Пир во время чумы».

…Бушевавшая в России эпидемия холеры в 1830 году и вынужденная изоляция в Болдино оказались для А. С. Пушкина периодом невероятной плодотворности и высочайшего подъёма духа. Одним из шедевров стали «Маленькие трагедии» – пьесы для театра, в названиях которых зашифрован сплошной оксюморон или соединение несоединимого (образное сочетание противоречащих друг другу понятий). Скупой барон Альбер («Скупой рыцарь») по всем романтическим и нравственным понятиям Средневековья никак не мог быть рыцарем; каменный гость («Каменный гость») не способен пойти в гости (хотя бы потому, что ходить не умеет); пир и чума («Пир во время чумы») – вещи также абсолютно несовместные.

Противоречивость названий не случайна. Это ключ к пониманию сверхзадачи, поставленной автором, – показать пламень борений, которым в маленьких трагедиях полыхают человеческие души. Такой огонь в присутствии смерти либо выжигает душу дотла, либо закаляет её для жизни. В спектакле «Пир во время чумы» М. Д. Литвинов определил главную проблему – страх человека перед неминуемой гибелью, а значит, и проблему ВЫБОРА пути.

В роли святого отца артист (и режиссер) ведет свой монолог с убежденностью отца, потрясенного богохульной выходкой сына. Одновременно он становится полюсом новой силы, внушающей надежду. Эта сила убеждает: как бы тяжелы ни были обстоятельства, человек не должен терять достоинства, веры, любви. Старик-священник говорит, и, чем убедительней звучит голос, тем ярче разгорается на сцене свет. Вот он – момент истины! Бесстрашие без Бога подобно безумию. Безразличие к Богу ведет к безразличию ко всему сущему, в том числе, к варварству и потере человеческого облика.

Как органичное продолжение темы – моноспектакль «Молитва» с лучшими духовными стихами поэтов от XVII века до сегодняшнего дня. Гениальные строки произведений П. Вяземского, Ф. Глинки, К. Романова, В. Жуковского, Д. Мережковского ведут зрителя по евангельским сюжетам, открывая свет Божественных истин от Рождества Христова до его Вознесения. «Молитва» – очередной моноспектакль духовного цикла, начало которому положило «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона.

Это сложнейшая работа и едва ли не первый театральный прецедент подобного рода в истории XXI века. Древний памятник русской литературы, вошедший в «Повесть временных лет», в постановке М. Д. Литвинова получил

новую жизнь и, что особенно важно, – современное звучание. «Слово…» – ни что иное, как торжественный сказ об истории Русской земли, влившейся в семью христианских народов после святого Крещения; прославление крестителя и объединителя Руси, князя Владимира Святославича. Важно то, что в нем речь идет не только о расширения территорий, но и о духовном укреплении государства.

«Да прославим мы того, кого прославляют беспрестанно на небесах Ангелы…» – торжественно декламирует Литвинов. Весь текст, как всегда, он читает вживую, наизусть и так, что «мурашки» по коже!

По словам Михаила Даниловича, во время репетиций очень сложно было принять старославянский язык, на котором написано «Слово». Чтобы хоть немного приблизиться к сути, пришлось неоднократно перечитать Ветхий Завет, потом вернуться к Новому Завету… Было очень трудно. А теперь эта работа стала для него как молитва.

В цикле моноспектаклей есть своя логика и последовательность. Начал Литвинов со «Слова о законе и Благодати», где речь шла о Ветхозаветной традиции и Новом Завете. Затем перешел к фундаментальной проблеме – Бог в жизни человека («Божественные оды»). В «Молитве» вышел на тему о том, как пробудить к духовной работе самые тонкие струны зрительской души.

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне были подготовлены три моноспектакля: «Реквием» (на стихи Р. Рождественского), «Помним, гордимся, чтим» (лучшие стихи российских и советских поэтов); «Солдаты России» – литературный цикл по произведениям прекрасного поэта и нашей землячки В. И. Слядневой.

Надо сказать, что до определенного времени Литвинов понятия не имел о творчестве ставропольского и российского поэта Валентины Слядневой, хоть и много слышал о ней. А когда однажды открыл сборник, прочитал военные стихи и прозу, будто родного человека обрел, – такими теплыми, искренними, живыми были стихи поэта.

Заучивались строфы легко. Малая Родина с её станицами, голодным военным детством, потерей близких – это ведь и его жизнь. Михаил Данилович родился на следующий год после Победы, он не был «огненного времени птенцом», как называла себя Валентина Ивановна. Но и по его семье, по его станице война прокатилась жестоким «огненным» колесом. Отец Литвинов Данила Иванович был единственный мужчиной из односельчан, кто вернулся домой и из тех солдат, кто «пережил самого себя». Получив похоронку, три месяца мать Михаила Даниловича убивалась по мужу, пока не выяснилось, что отец не умер – выжил после тяжелейшего ранения. Данила Иванович Литвинов был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны Второй

степени, медалями «За отвагу», за освобождение Праги, Чехословакии, Венгрии, Польши, Берлина. Вот почему «Павшие солдаты России» для М. Д. Литвинова такие же родные люди, как и для Валентины Ивановны.

«Когда читаю стихи В. Слядневой, плачет и радуется душа», — как-то признался Литвинов. И, думается, так же «плачет душа» у ветеранов, участников войны, у их родных и близких, когда они смотрят спектакль.

«Аэродром в Брандисе» – так называется одно из стихотворений спектакля, которое Литвинов не декламирует, а читает как военную сводку:

22 июня 1941 года с этого аэродрома
вылетели первые немецкие самолёты
бомбить советские города.

Со свастиками шли, виднелись еле
Те самолёты в чистой синеве,
Под гул и рёв смолкали колыбели
На Буге, на Днепре и на Неве.

…В дубовой роще не щебечет птица.
Куда деваться ей от немоты?!
Земля тут красоты своей стыдится
И прячет в травах яркие цветы.

Горечь и искреннее переживание по ушедшим звучит в исполнении артиста стихотворение «На войну шли парни». В нем Михаил Данилович угадал музыкальность, песенность стихотворного лада В. И. Слядневой. Стих звучит не как реквием, а как уложенная в память поколений песня. Подкупающие своей искренностью, теплотой, близостью к народной традиции, такие песни и сегодня быстро уходят «в народ», как вообще «уходят» в песни многие стихи Слядневой.

На войну шли парни – парни хоть куда!
Сиротели деревеньки, города.

Лес шумел, играло лето на дуде,
Птичьи трели затихали – ой – везде!

И покосы выгорали тут и там,
И густой туман клубился по следам.

Парни шли и шли, да все в один конец!
По следам скакал назад невидимый гонец.

И всё весточки последние он вез. –
На их месте колосились – рожь, овес.

И курчавились березки дальних лет –
Не свидетели – участницы побед...

В исполнении артиста стихотворение «Ничего не забыли мы» – следующая его строка «…И ничего не простили», звучит отстраненно и кажется странной. Вроде события «сороковых-роковых» ушли невозвратно, и что-то, кого-то надо уметь прощать. Но это лишь первое впечатление. Уже в следующий момент ты понимаешь: прощать можно раскаявшихся людей. Но – не явления, находящиеся по другую сторону добра и зла. В числе таковых – фашизм, когда одна нация или народ объявляет себя особой кастой, вершителем судеб и дел человеческих во всем мире. Такого допустить нельзя! И мы понимаем, почему. Ведь опасность возрождения ЗЛА, истребительной войны, сегодня не выдумка, а живая реальность.

Ничего не забыли мы
И ничего не простили...
Стлалась ночь за окном,
И метались обрывки дорог.

Путь от Волги до Эльбы
Не галькой мы белой мостили!
Где бои прогремели –
Всё кости и чертополох.

Путь от Волги до Эльбы
Еще под ногами дымится.
Ни тепла, ни жилья!
На столетия он оскудел.

Как печеные яблоки,
Сморщились черные лица
Нерожавших солдаток
И старых неласковых дев.

Как продолжение темы памяти и завещание отцов, дедов, прадедов нам, живущим, торжественно звучат слова:

Поколенье отцов не за страх,
А за совесть землёй становилось,
Чтоб Россия жила не впотьмах,
Не сдавалась
На чью-нибудь милость!

Всё, что будет и было допреж
У меня дорогого, святого, –
Это память о них –
Тот рубеж
Обозначили сердце и слово!

И еще одно наблюдение. Во время спектакля заметила, что в сценарии, для которого Литвинов подобрал поэтический материал, часто появляются стихи, где война как бы сосуществует с природой. Природа здесь – как сущностное начало и важная эмоциональная краска, которая позволяет тексту стать зримым, ощутимым, а описываемую картину узнаваемой. При этом природа: листья, цветы, трава не нейтральны. «Цветущая летняя земля» по Слядневой, «красоты своей стыдится». Места упокоения героев природа оберегает: там «колосилась рожь» и «курчавились березки». «Что это, если не знак победы Жизни над войной и смертью! – как бы говорит нам артист.

Так уж случилось, что при жизни В. И. Слядневой Литвинову не пришлось встретиться с ней ни разу. Но когда Михаил Данилович увидел портрет красивой русской женщины с открытой улыбкой, удивился: «Вот читал стихи и именно такой её представлял себе!».

Если есть в нашей огромной стране люди, от которых идет свет, и в нас пробуждается добро, значит, не всё еще потеряно. Один из них хорошо известен землякам. Он из станицы Старомарьевка: светлая душа – Михаил Данилович Литвинов!

Благодаря ей…

Ананьченко Николай Михайлович,
поэт, член Российского Союза писателей

Разные люди, рассказывая о встречах с Валентиной Ивановной Слядневой, обязательно говорили фразу: «Благодаря ей…». Помогать всем – знакомым и незнакомым, близким и дальним – это был её девиз. Её не надо было просить о помощи, если она могла, то помогала по собственной инициативе. Иначе она не могла.

Скорее всего, это было в 98-м году. Задумал я написать книгу сказок для взрослых. Даже название придумал: «Сегодня в тридевятом царстве». Поначалу охотно работал, написал, наверное, с десяток сказок. А потом что-то не пошло. Решил посоветоваться с опытными людьми.

В то время приятельствовали мы с Владимиром Кудиновым, известным на Ставрополье журналистом, неплохим поэтом, очень рано ушедшим из жизни. Вот ему я и показал пару своих опусов. Прочитав, он мне сказал:

— Нормальные сказки, старик. Не без ляпов, конечно, но всё легко поправимо. Тебе надо их на краевое радио отдать. Уверен, что пройдут.

На мои жалобы, что, мол, никого не знаю в редакции, он махнул рукой:

— Есть там мой знакомый редактор. Я ему завтра позвоню и договорюсь о встрече.

Вот так я оказался на втором этаже радиокомитета, где в одной из комнат молодой редактор стал читать сказки, а чтобы я не скучал, дал мне почитать свои стихи, дабы я потом поделился с ним впечатлением о них.

Сидим, читаем. Тут открывается дверь и в комнату влетает (именно «влетает») женщина средних лет, слегка блондинистая. Она что-то спросила у редактора и тут же начала ему выговаривать. Я не прислушивался, стараясь вникнуть в предложенные стихи. Отметил только, что женщина сразу заполнила собой всё пространство кабинета.

Тут гостья взглянула на меня и спросила у хозяина:

— А это кто?

— А это молодой автор. Он принёс свои сказки для взрослых. Его Володя Кудинов рекомендовал.

— Сказки? Это интересно. Дай-ка я почитаю.

Каждый молодой автор поймёт меня: всегда хочется услышать мнение о твоём произведении нового читателя. А тут, вроде бы, читатель не простой. И хоть обидно было, что меня за некий предмет мебели приняли, но решил подождать и послушать, что скажет эта женщина.

Прочитав, она взглянула на меня, но обратилась к редактору:

— И что делать собираешься?

— Да я ещё и не решил ничего.

— А что тут решать! Сказки для взрослых вообще мало кто пишет. У нас таких авторов нет. Написано, в целом, не плохо. Кое-где подправить и – в эфир. Нечего тянуть. Надо кого-нибудь из наших артистов привлечь. Давай-ка я Гурьеву сейчас позвоню и с ним договорюсь.

И спустя минут пятнадцать вопрос был решён. Гурьев согласился прочитать две мои сказки, редакция была готова оформить всё это музыкально, а редактор уже искал время для эфира.

А моя благодетельница, быстро решив все вопросы, удалилась так же стремительно, как и появилась.

— Кто это был? – спросил я у молодого человека.

Он с удивлением посмотрел на меня и, усмехнувшись, сказал:

— Что ж ты не знаешь нашу знаменитость! Это же замечательный поэт – Сляднева Валентина Ивановна.

И вот теперь, я, как многие другие авторы, могу говорить, что благодаря ей мои произведения прозвучали на весь Ставропольский край.

Спасибо, Валентина Ивановна!

Гениям итогов не подводят…

Блохин Николай Федорович,
журналист, литературовед

Это было в 2010 году. Писатели, члены редколлегии альманаха «Литературное Ставрополье» собрались в Литературном центре. Отмечали 70-летие Валентины Ивановны Слядневой. Один за другим поднимались за столом ее коллеги по литературному цеху, провозглашали тосты, желали доброго здоровья юбиляру, кто-то читал ее стихи…

Рядом со мной за столом сидел Василий Дмитриевич Звягинцев. Шепнул мне на ухо: «Выступишь?». «Валентина Ивановна вряд ли меня помнит, хотя мы встречались с ней не раз на литературных мероприятиях», – ответил я. Но Звягинцев назвал мое имя и предоставил слово. Помнится, я сказал о том, что впервые стихи Валентины Слядневой я прочитал в газете «Коммунистический маяк». И что под ее именем и фамилией было напечатано: «с. Надежда». Валентина Ивановна улыбнулась и кивнула: «Было такое дело. Там печатали мои стихи. Я, действительно, родом из села Надежда». Обращаясь к собравшимся, я закончил экспромтом:

«Не подводите Слядневой итог –
гениям итогов не подводят».

Это понравилось всем. Валентине Ивановне особенно. И вдруг она, повернувшись ко мне, сказала: «Я прочитала Вашу рукопись о Михаиле Булгакове. На заседании комиссии в министерстве культуры я поддержала Вашу работу. Ее надо издавать». Помнится, я поблагодарил Валентину Ивановну. Звягинцев шепнул: «А ты говорил, она не помнит тебя. Оказывается, помнит».

Средства из краевого бюджета на издание книги «Михаил Булгаков на Кавказе», несмотря на принятое решение министерством культуры Ставропольского края (я сохранил этот документ), к сожалению, так и не были выделены. Почему это произошло, я не знаю. В 2011 году мне удалось собрать через

спонсоров небольшую сумму. И книга увидела свет, пусть и небольшим тиражом.

Потом были и другие встречи с Валентиной Ивановной. Но тот взгляд Валентины Ивановны и ее улыбку на юбилее я запомнил на всю жизнь.

Поколение[2]

Черная Татьяна Карповна,
доктор филологических наук

…В ставропольской литературе, как, очевидно, и во всех областях нашей жизни, 1960-е годы стали периодом расцвета. Тогда сразу появилось много новых имен, регулярно издавался альманах «Ставрополье», именно тогда приобретший читательскую популярность…

Л. Епанешников – «детский» поэт, чьи стихи были выделены как лучшие для дошкольников на конкурсе Союза писателей РСФСР в 1982 году (сборники «Друзья», «Автобус», «Дедушкина бурка», «Живой значок» и др.).

Г. Колесников – тонкий лирик, прошедший большую трудовую жизненную школу. Им написано много стихов, ставших известными песнями, среди которых выделяется одна, долго исполнявшаяся лучшими певцами и ансамблями страны (она и сейчас изредка звучит, хотя, как и другие мелодичные песни старых времен, забивается, увы, «фабричными»), – «Тополя» («Тополя, тополя, в город мой влюбленные»).

Стихи А. Мосинцева отличает разговорный слог, некоторая принципиальная «будничность», которая оказывается необходимой, потому что пишет поэт об обыкновенных людях и их повседневной жизни («Заречье», «Просторная осень», «Сентябрьское утро», «Пора новолуния», «Арбузный мед» и др.). Его лирический герой прост и естественен, тем и поэтичен – редкое свойство в поэзии.

Любимая тема Г. Фатеева – люди села, хлеборобы. Поэтизируя нелегкий труд, его результаты, поэт касается главной человеческой ценности – смысла жизни, любви к своей труженице – родине, так просто и так в то же время значительно определенной поэтом – «кормилица». «Итальянские спагетти из ипатовской муки» – строчка, ставшая символом этого патриотизма. Хлеб – это «солнца каравай», а на бывшей огненной меже растут «хлеба хорошие». Нет

[2] Черная, Т. К. Поколение // Русская литература Северного Кавказа: исследования и материалы / под общ. ред. В. А. Шаповалов. – Ставрополь, 2011. – С. 150-162.

ничего важнее человека-хлебороба – истина, кажется, не очень поэтическая. Но именно она дала вдохновение поэзии Фатеева:

Куда бы я от дома ни уехал,
Какие б ни увидел чудеса,
В моей душе всегда звучит, как эхо,
Родная степь, в которой родился.
Мне слышатся колосьев переборы
И жаворонков трели в небесах.
Ковыльные и хлебные просторы –
Страны моей и гордость и краса.

И конечно, для читателя, просто живущего на земле, не искушенного в поэтических изысках, такая поэзия нужна. У каждого поэта свой читатель, и тема должна органично выражаться в поэтическом переживании – что и имеет место в стихах Г. Фатеева.

В. Гнеушев – один из наиболее известных поэтов не только на Ставрополье, но и в стране. Он может быть назван поэтом не только с профессиональной точки зрения, но и в значении устремленности к высоким романтическим представлениям. Ему свойственно вообще поэтическое восприятие жизни, и особенно он любит романтику моря и гор. Психологичны и сильны переживания в стихах о любви, о ее приобретениях и потерях. Около двадцати поэтических сборников, издававшихся и в Ставрополе, и в Черкесске, и в Москве, – итог творческой деятельности поэта. Как и у всех уже перечисленных поэтов, у Гнеушева главный стимул творчества – возможность свободно писать обо всем, что лежит на душе: о горной тишине, о майской демонстрации, о кладбище кораблей, о бабочке и черве, о командире на капитанском мостике, о далекой любимой, о своей мечте. Можно даже о рабочем написать не как о великом пролетарии, а просто как о человеке:

У рабочего класса
есть особый заказ:
просто – вечер
и воздух,
просто – свет на снегу
и товарищи возле,
без кого не могу.

В такой свободе поэтического творчества стала у наших поэтов проявляться гражданская позиция. Главное – человек, его чувства, его дела, его

мечты и горести. Нет ничего слишком малого в этой жизни, и только поэтому сама жизнь – великое явление.

Поэты стали определяться по склонности своего таланта, а не по официально признаваемой тематике. И это не только не мешало быть актуальными, но, наоборот, придавало актуальной тематике качество художественности. Так, в своем творчестве И. Романов избрал нелегкий путь сатирика. В его арсенале – и басни, и «пилюли», и сатирические стихи, и эпитафии, и пародии. В своих произведениях он поучительно высмеивает явления, порожденные системой окружающей действительности, но для него важно не свалить вину за порок на эту самую действительность, а подчеркнуть ответственность человека за свое дело и поведение. Романов умеет видеть суть дела, схватить типовое начало, которое вроде бы в общественном мнении и не получает одобрения, а на самом деле внедряется и въедается в отношения между людьми. Его прозаические и поэтические миниатюры долго не изживут себя, потому что живучи сами пороки – самодовольство, неадекватное самомнение, хвастовство, зависть, бюрократическая тупость, подхалимство и т. д. Сам честный труженик, Романов и в сатирических стихах едко высмеивает тех, кто ищет в жизни нечистые пути. Читателю известны сборники И. Романова «Корень зла», «Встречи», «Практический вывод», «Открытый вопрос», «Тропою доброты», «Душа нараспашку» и др. Не лишено творчество этого поэта и лирики грустной, размышляющей. Долгое время, с 1962 года, он был ответственным секретарем «Ставрополья». Вместе с К. Г. Черным они укрепили статус этого издания, собрали активный, работоспособный коллектив авторов. Альманах стал надежным помощником в деле становления мастерства и продвижения произведений ставропольских авторов в читательскую среду.

Такой же гражданско-сатирической направленностью характеризуется поэзия С. Е. Ванетика, сумевшего придать традиционному жанру сатирической миниатюры особую форму диалога-спора разных сторон.

Духовный мир, выраженный чуткими и нежными словами, – трепетная любовь к миру и отчизне, к звездам в небе, к красным каплям рябиновых ягод, ответственность за произнесенное слово и тихое, безграничное благородство души – это стихи В. Кудинова (сборники «Перекрестки», «Зал ожидания», «Позвольте мне предсказывать свободу» и др.). Творчество Кудинова наглядно показывает, насколько изменилось понятие патриотизма к этому времени. Вместо лозунгового пафоса зазвучали мотивы красоты и душевности родной природы, любовь и преданность к своим истокам и корням. «Родного неба милый свет», как и в годы, когда была написана эта строчка Жуковского, заставляет «дрожать сердце» русского человека. И это совсем не то, что сейчас пытаются опровергнуть как ложное чувство превосходства над другими странами и

народами. Эта любовь дана каждому человеку от природы, святое чувство родства, дающее радость и тепло, даже если хорошо осознаются недостатки жизни на родине. Такое чувство осозналось русскими людьми после войны именно в 60-е годы.

Вместе с этим вновь активизировался интерес к истории. В нашем регионе он связан прежде всего с историей казачества, с русско-кавказскими отношениями. В. Бутенко, поэт-бард, выпустивший несколько магнитоальбомов своих песен, как поэт тоже развивает мотивы детства, родника, родины. В его стихах – хрустальная зима, порыв скакуна, певучие полозья, кружево листвы – то, что дорого сердцу казака. Похожий колорит казачьего взгляда на жизнь составляет своеобразие В. В. Ходарева. Но он вводит казачью историю в художественную систему народного эпоса.

Ярким оригинальным поэтом стал С. Подольский, создавший в своих стихах неповторимый романтический мир, сложившийся из космических сфер, живой природы степей и растений, исторического прошлого и непредсказуемого будущего, из души машин и духовности людей. Всегда неожиданный, этот поэт заставляет не только переживать, но и думать. Он экспериментирует со словом, со стиховой формой, с рифмой. Но его путь начался несколько позже, уже по следам «шестидесятников», ему уже было легче.

Высоким нравственным содержанием, эмоциональностью, теплыми чувствами, а иногда философскими поисками, пусть по-женски наивными, заявила себя поэзия женщин – В. Слядневой, Р. Котовской, Е. Ивановой, Л. Прайсман, О. Афремовой. Они все разные, но одинаково щепетильны в утверждении своего творческого права, и надо признать, утверждают его не без оснований. Это группа талантливых, умеющих сказать свое слово поэтесс.

Евгений Васильевич Карпов

Егорова Людмила Петровна,
доктор филологических наук

Известный ставропольский прозаик Евгений Карпов (1919–2016) родился в Воронежской губернии. Получив начальное образование в россошанской фабрично-заводской семилетке, он, как было написано в полученном документе, проявил «особую склонность к составлению докладов», за что и получил единственную в 1931 г. на весь район путёвку в Артек. Это было, конечно, огромным событием в жизни хуторского мальчишки. В 1933 г. Евгений

пережил страшный в тех местах голод, болел сыпным тифом (от которого умер его отчим).

С 1934 г. юноша жил в Сталинграде и по окончании 8 класса работал дежурным в радиоузле гарнизонного Дома Красной Армии. Участвовал в Великой Отечественной войне, сражался на Сталинградском фронте. Оказавшись в плену, бежал. До окончания войны ещё год служил помощником и переводчиком военного коменданта в одном из городов советской зоны оккупации побеждённой фашистской Германии.

И вот в годовщину Победы, 10 мая 1946 г., которую приближал и он, аукнулся ему немецкий плен. Карпов попал в советский «фильтрационный» лагерь, но через три месяца, не найдя вины, его отпустили.

Вернувшись в Сталинград, начав мирную трудовую деятельность, он в 30 лет поступил в Литературный институт, где особенно памятным и полезным оказался для него семинар Константина Паустовского. Наставник без ведома автора опубликовал в столичном журнале «Смена» рассказ Евгения «Жемчужина» (1954). По окончании института Карпов совмещал работу арматурщика и диспетчера на гигантском Сталинградгидрострое с сотрудничеством в многотиражной газете.

Начинающего писателя раздражало настойчивое стремление навязать ему в герои передовиков производства. Однажды на встрече Леонида Соболева со своими избирателями в Волгограде (а Соболев заехал в гости и к своему бывшему студенту) он прочитал рассказ «Маленькие тайны» – о бесхитростных приключениях молодожёнов, весёлый и смешной. Все хохотали, долго аплодировали. А на пленуме ССП Соболев расхвалил выпускника Литинститута, который работает «арматурщиком на великой стройке и написал прекрасную повесть о героических буднях строителей». Автор получил приглашения из журналов «Октябрь» и «Нева», издательства «Советская Россия». Из рассказа, прочитанного на встрече с Л. Соболевым, родилась повесть «Сдвинутые берега», опубликованная в «Неве» в 1960 г., а на следующий год она вышла полумиллионным тиражом в «Роман-газете», была переведена на французский и другие европейские языки. Автор пояснил свой творческий принцип – он писал о людях, которых хорошо знал: о своём сменщике диспетчере Генке, о бетонщице Наде, их свадьбе.

Евгения Васильевича приняли в Союз писателей. В 1963 г. в Москве вышла в свет его новая повесть «Синие ветры», а в Липецке, куда он переехал, – сборник рассказов «Моя любовь».

Карпов ещё раз переехал – теперь уже в Моздок, где ему в порядке обмена приглянулся особняк, несравнимый с липецкой квартирой. (Кстати, Моздок входил в состав Ставропольского края до 1950 г., когда он был передан

Северной Осетии, а в эти десятилетия город ещё очень многое связывало со Ставрополье). Евгений Васильевич плодотворно писал. Но, даже став известным литератором, он не избавился от идеологического давления (о чём рассказал в мемуарах «Всё было, как было»), хотя остался верен своим творческим принципам.

Повесть «Не родись счастливым» написана от лица талантливого хирурга Петра Захаровича Завражина (прототипа своего героя – И. С. Василенко – Карпов встретил однажды в Задонске). Герой повести, как и его прототип, работал в районной больнице, расположенной в бывшем монастыре; автор переименовал место действия в Ключёвое.

Молодожёнов Завражиных (Сима тоже врач) встретили здесь радушно, поражая заботой и вниманием. Их ждала комната, любовно, казалось, обставленная доступной больнице мебелью. «Как жаль, люди маловато дарят друг другу доброго внимания, теплоты! А ведь такие минуты – могучее лекарство...»[3] – размышляет повествователь. Петра и Симу умиляли и другие знаки внимания со стороны главного врача Сергея Сергеевича Божедомова. И когда первая операция Завражина оказалась неудачной (за два часа он так и не смог найти отросток аппендикса), Божедомов в районной газете убедительно объяснил, что бывают и такие сложные клинические случаи. Но потом герой начинает понимать, что для главврача было важным не искреннее желание помочь молодому специалисту, а защитить, так сказать, честь мундира. Во избежание дальнейших неприятностей он запрещает Завражину делать сложные операции, предлагает транспортировать больных в следующую инстанцию.

Спасая жизнь людей, Завражин не раз нарушал эти приказы, и Божедомов воспринимает теперь молодого хирурга как своего личного врага, хотя использует в своих целях лавры победителя. Дело доходит даже до клеветы и анонимок: якобы совсем юный Завражин в период оккупации служил у немцев. Операционная сестра Оля, правая рука хирурга, вынуждена подать заявление об уходе, потому что главврач заставлял её информировать о каждом шаге молодого врача. Так происходит художественно безупречное развенчание мимикрии доброты. Повествователь и его читатель начинают осознавать, что Божедомов, расхваливая хирурга, повышает свой статус как руководителя больницы. Завражин говорит о нём: «Умел держать людей в своих руках ловко, цепко и незаметно для них. Ясно, он не глупый и сильный человек. Я уважал таких. Уважаю, но не терплю их излишней любви к власти»[4]. Психологически разочарованность героя в человеке передана ёмкой поэтической деталью: даже

[3] Карпов Е. В. Не родись счастливым. – Ставрополь, 1977. – С. 227.
[4] Там же. – С. 254.

купола монастыря кажутся ему (из-за лёгкой тучки) ампутированными.

Но вот однажды экстренная операция понадобилась самому Божедомову. Как было не воспользоваться случаем и, следуя постоянным советам главврача, не отправить его в центр, тем более что неудачный исход грозил Завражину нешуточными карами. В итоге он всё же сделал очень рискованную операцию личному врагу. «Победа над собой – самая трудная и самая важная победа...»[5], — размышляют в едином порыве герой-рассказчик и автор-повествователь. Это чувство нравственной победы сливается с восхищением красотой собора, талантом его создателя, и всё это опредмечено великолепной картиной рассвета:

«Небо на востоке было чисто-синим, светящимся, а снизу, у самой кромки горизонта, чуть-чуть золотилось солнцем, которое приближалось к нашему Ключёвому с той стороны Земли.

Это небо, какое-то поющее, призывное и необыкновенно чистое, проглядывало сквозь ажурные звонницы собора, расстилалось над куполами, и тёмный, тяжёлый, мрачный собор растворился в свете зари. Это Зодчий создал его таким»[6].

«Производственная» драма дополняется личной: Пётр любит свою жену, «маленькую конопушку», как ласково её называет, но он пережил увлечение Катей, необыкновенной красавицей и очень чутким человеком. (Это была его первая пациентка, едва не стоившая ему карьеры хирурга). Тонкий психологизм, с которым раскрывается эта сюжетная линия, такт повествователя в разрешении любовного треугольника никогда не забудутся теми, кто прочёл эту повесть. Автор этих строк признаётся, что именно она, прочитанная после других произведений писателя, убедила его в верности выводов Вадима Чернова: «Карпов – яркая звезда среди литераторов не только Северного Кавказа!»

Рукопись повести была предложена журналу «Знамя», но тогда в редакции Б. Сучков, как вспоминал писатель, «всё гремел, коршуном налетая на меня: «Если не хочешь получить политическую блямбу на свой талантливый лоб, забирай рукопись и никому не показывай»[7].

К переживаниям морального порядка у Евгения Васильевича добавились заботы материальные: год он писал повесть, не трудился, наращивая долги, а в Моздоке работы не предвиделось. Но опять включилась лампочка везения: о трудностях Карпова узнал Л. Соболев, и по протекции из ЦК повесть взял журнал «Октябрь». (Интересно, что на склоне лет Евгений Васильевич

---

[5] Карпов Е. В. Не родись счастливым. – Ставрополь, 1977. – С. 379.
[6] Там же. – С. 379–380.
[7] Карпов Е. В. Да будет воля твоя // Нева. – 1997. – № 7. – С. 50.

опубликовал вторую редакцию повести «Не родись счастливым»[8], и сопоставительный анализ обеих редакций даёт ценный материал для освещения творческой лаборатории писателя).

Самому Карпову было предложено включиться в работу Невинномысского химкомбината. Опять от него ждали произведений о передовиках производства, что и раздражало, и пугало писателя. Год он ездил в Невинномысск, поскольку с 1967 г. жил в Ставрополе, активно участвуя в жизни Ставропольской писательской организации. Вначале Евгений Васильевич возглавлял Ставропольское отделение ССП, о чём интересно рассказывал его заместитель Вадим Сергеевич Чернов. Кстати, Карпов как руководитель Ставропольского отделения СП вдохновил другого связанного со Ставрополем писателя, В. Максимова, на создание в романе «Прощание из ниоткуда» образа Евгения К., прототипом которого был Евгений Васильевич.

Карпову принадлежат рецензии на произведения В. Грязева, И. Юдина, статьи о творчестве П. П. Мелибеева – «Благородство таланта»; рецензии на постановки Ставропольского краевого драматического театра. (Кстати, инсценировка повести самого Евгения Васильевича «Не родись счастливым» также была представлена ставропольским зрителям).

Событием в литературной жизни края стало документальное повествование Карпова «Крутогорье» (1974). К этому времени писатель уже «вошёл» в ставропольский материал. В произведении воссоздана жизнь края в течение нескольких десятилетий; крутые повороты в судьбах героев, как сразу отметила критика, были порождены и особенностями времени, и личными человеческими качествами. Такая гармония зова эпохи и своего «Я» запечатлена в образе экскаваторщика Георгия Борматова, с детства влюблённого в технику. Став руководителем громадной стройки (шла прокладка канала на Ставрополье), он сохранил какую-то детскость и ласковость, что особенно заметно в его отношениях с матерью. Тревожат автора «Крутогорья» и экологические проблемы. Одним из первых Евгений Васильевич с тревогой заговорил о том, как меняет свой облик Юг России, солидаризуясь со словами одного из своих героев: «Вот и добрались – ни рыбы, ни зверя, ни леса былого. Уж дюже жадно, не по-хозяйски брали». Повествователь потрясён: то, что старик-собеседник видел своими глазами, то, что следующее поколение «уже только из книг знает», что когда-то дремучие леса были вдоль Кубани, Терека, Кумы. «Лысеет планета. По лысинам гуляют пыльные бури»[9], — заключает автор.

---

[8] Карпов Е. В. Не родись счастливым: [вторая редакция повести] // Южная звезда. – 2008. – № 2. – С. 85–216.

[9] Карпов Е. В. Крутогорье. – Ставрополь, 1974. – С. 5.

Нашла своего читателя и книга рассказов Карпова «Твой брат» (1975), где даже рассказ-воспоминание «Мосты» воспринимается как прочно связанный с современностью. И мост, возводимый под старинную артельную песню, воспринимается как опасный, вздыбленный конь, как дикая и прекрасная лошадь. Романтизация реальной жизни в самом хорошем смысле этого слова присуща и рассказу Евгения Васильевича «Здравствуй, дедушка». Неизлечимо больной машинист, которого с детства влекла к себе «кромка горизонта, похожая на тонкую звонкую струну», навсегда сохранил ту тягу, тот зов. И пусть сейчас с Антоном Сергеевичем нет его внучки, он счастлив вниманием чужого мальчишки: ведь это тоже горизонты новой жизни. Заметим, что подробная эмоциональная интерпретация рассказа «Твой брат» дана О. Афремовой[10].

В рассказе «Садовники» старый колхозник Назар Прокопыч верит, что как только крестьянин перестанет зарю работой встречать, «беда ко всем людям придёт». В преклонном возрасте он, перебравшись в город, стал садовником, но вновь потянуло его к себе настоящее хлеборобское дело, завещанное ему его отцом и всеми предками. То, что герои рассказов Карпова выступают в единстве своих профессиональных и индивидуальных качеств, является отличительной особенностью его прозы.

Во второй половине XX в. внимание писателей привлекал новый, индустриальный Ставрополь. Оставаясь «одним из самых зелёных городов России», он получил новую визитную карточку. В книге очерков «На семи холмах» (1981) Е. В. Карпова Ставрополь – это прежде всего город «исследовательских институтов, мощных строительных организаций, заводов». Даже в прошлом автор выделял крупным планом единственный в дореволюционной истории Ставрополя завод, известный потом многие десятилетия как «Красный металлист». К 1905 г. на этом заводе работали 24 квалифицированных рабочих и 15 учеников. Они, как сообщает очеркист, обслуживали керосиновый двигатель мощностью в 10 лошадиных сил, а также 5 токарных, 3 строгальных, 2 сверлильных станка и 2 для нарезки мельничных вальцов.

Основой повествования Карпова остаётся общий исторический экскурс, и эти страницы заслуживают особого внимания. Имена Суворова, фортификатора Ладыженского, Пушкина, Лермонтова, Шамиля вписаны в книгу жизни современного Ставрополя с его жителями и природой. Великолепно представлен ландшафт города, в котором удивительно гармонично соединились и старые, и новые реалии – остатки крепостной стены и памятник-палатка фельдмаршалу, забытые, к сожалению, места погребения декабристов

[10] Афремова О. Состояться на Земле человеком // Творчество : очерки о членах Союза писателей СССР. – Ставрополь, 1982. – С. 216–218.

(Варваринское кладбище ныне застроено полностью), могилы бойцов Таманской армии и Вечный огонь Великой Отечественной. Евгений Васильевич рассказывает о домах, помнивших Пушкина, и о новостройках Осетинки, о Северо-Западном районе города. Приметы городского пейзажа в книге Карпова легко узнаваемы: Таманский лес, подступающий к самому городу; Комсомольская горка – любимое место отдыха горожан; зелёные зоны внутри краевого центра. Но предоставим слово самому писателю:

«Наш Ставрополь невелик – в нём около четверти миллиона жителей, а до войны не насчитывалось и ста тысяч. Он расположился на холмах и распадках возвышенности, на высоте шестисот метров над уровнем моря. Начинался с крепостной горки площадью в десять гектаров, которая теперь называется Комсомольской.

Если стоять у кинотеатра «Родина» (в начале 2004 г. здание кинотеатра было снесено. – *Авт.*) и смотреть на восток, то по правую руку, совсем рядом, окажется крепостная стена, сложенная из камней ракушечника, – не очень высокая и совсем не грозная, с узкими бойницами, длиной всего лишь метров пять-десять, но ей больше двухсот лет, и дорога она горожанам как памятник истории.

Тут же у стены стоит стилизованная каменная палатка. Может быть, на этом самом месте и был зажжён первый костёр, а где-то совсем рядом полковник и премьер-майор, командир Хопёрского полка Конон Устинов положил первый камень крепости. Был тот камень вытесан в форме креста, и крепость была наречена – Ставрополь, город креста»[11].

Детализация в очерке Евгения Васильевича необычайно подробна: «Вдоль стены на зелёной лужайке – электрические фонари старинного фасона. Влево от стены и прямо – пошла площадь. Здесь рядами стоят пирамидальные тополя, похожие на застывших в вечной дрёме богатырей в островерхих шлемах. Бывал во время строительства крепости, одобрил место расположения и удачную фортификацию Суворов. Ему здесь стоит памятник». По очерку Карпова можно разработать специальный маршрут путешествия по Ставрополю: «Если идти на восток дальше по холму, его правой стороной, тут же недалеко от памятника Суворову, стоит раскидистый осокорь с могучими ветвями... Дальше – дом и двор бывшего полицмейстера, в котором дважды останавливался Пушкин. Здесь он с крепостной горки любовался утренними и вечерними зорями, любовался далёкой призрачной цепью гор, за которой лежала Грузия...

[11] Карпов Е. В. На семи холмах. – Москва, 1981. – С. 4.

Ещё дальше на восток и юго-восток спускаются по холму грабы и вязы, домишки с садами, особняки. <...>

У гигантской статуи красноармейца есть на Комсомольской горке смотровая площадка, у самого края крутого спуска. Отсюда открывается Ташла. Просторный распадок. На его то крутых, то вольных, спокойных склонах приютились, будто сакли в горах, одно- и двухэтажные дома с садами и огородами. Они образовали затейливые улицы и улочки. А на самом дне распадка – Комсомольский пруд. Когда-то там, на речке Ташла, был целый каскад прудочков с водяными мельницами. Там любил гулять Лермонтов, писать пейзажи, а под 700-летним дубом, который стоит вверху, на краю распадка, он, по преданию, писал стихи «Выхожу один я на дорогу...»

Вправо от пруда на север уходит степь. Хоть она и не видна с горки, только угадывается в мареве над линией горизонта, но только чуть-чуть дай волю своему воображению и увидишь в том мареве, в том бескрайнем покое пылящую по дороге колымагу, в которой везли пленного Шамиля в Калугу... Там – Дон, Волга, там – Москва и Ленинград.

Степь да степь кругом,
Путь далёк лежит...

Именно здесь, в наших краях, и родилась эта ямщицкая песня. И лет ей, наверно, столько же, сколько и Ставрополю»[12].

Для более конкретного знакомства читателей со Ставрополем Евгений Васильевич выбирает Ботанический сад – научную лабораторию по охране природы и краеведческий музей им. Г. Прозрителева и Г. Праве, который, по словам писателя, «расскажет о городе очень многое, если вы умеете хорошо видеть и слушать, если владеете даром сопереживания и воображения». Карпов впервые в литературе Ставрополья связал знаковую сущность города с бегом времени, его пульсацией, опредмеченной в музейных экспонатах, в памятниках архитектуры, а главное – с самими ставропольчанами.

Как творческое кредо звучат слова писателя: «Я подумал, что, рассказывая о городе, лучше всего рассказывать о его жителях. Ведь большая судьба города складывается из отдельных судеб тех, кто в нём жил и живёт». Эту задушевную мысль он повторит в начале седьмого очерка: «Красив наш город. Красив Северный Кавказ. Неистовые вершины Кавказского хребта, благодатное предгорье с курортами и туристическими, альпинистскими базами, хлебородные степи, древние пастбища – *это только земля людей*»[13] (курсив мой. – *Авт.*).

[12] Карпов Е. В. На семи холмах. – Москва, 1981. – С. 4-6.
[13] Там же. – С. 61.

Ставропольский текст у Евгения Васильевича предстаёт в живых лицах современников писателя: директора Ботанического сада Владимира Скрипчинского; селекционера Анатолия Лопырина, Героя Социалистического Труда; в рассказе о героинях Великой Отечественной войны – Клавдии Вилор, ставшей героиней одноимённой повести Д. Гранина, Клавдии Абрамовой, погибшей вместе с маленькими дочерьми в период оккупации; в городских рабочих, медиках, художниках, учёных, краеведах и многих других. С каждым из героев очерка входит рассказ о какой-то особенной грани города. Внимание к личности горожанина позволяет раскрыть Ставрополь изнутри: мы видим не только панораму его улиц, но и внутреннее строение и убранство жилищ. Как правило, портрет того или иного героя дан на фоне привычного для него интерьера, будь то стандартная квартира на четвёртом этаже современного дома с книжным шкафом, выдающим пристрастие хозяина, или старинный особняк.

Мастерски вводит Карпов в описание города его публицистически обобщённую человеческую составляющую. «Город – это сконцентрированная энергия человеческого гения, его непрестанного развития, напряжённого поиска». Поэтому человеческие характеристики обязательно присутствуют в обобщённых определениях Города: «Смелость, мужество, трудолюбие, широта натуры, её благородство – это и есть Ставрополь, город на семи холмах, на семи ветрах. И все они попутные»[14].

В 1983 г. на страницах журнала «Наш современник» напечатали произведение Евгения Васильевича «Буруны», над которым он будет работать ещё долгие годы. (Глава из этого романа была опубликована в первой книге альманаха «Ставрополье» за 1981 г.). В 1989 г. первый вариант «Бурунов» вышел отдельным изданием. Главный герой Виктор Николаевич Александров, уйдя с аппаратной работы в сельхозуправлении, по собственной инициативе становится председателем колхоза. Некоторая его чудаковатость не умаляет сделанного, а начинает он с подъёма культуры: создаёт духовой оркестр, украшает цветники розами. Родившийся в самом засушливом районе региона председатель печётся о воде, так необходимой хозяйству. Всё он делает самозабвенно, с полной отдачей. Критика обращала внимание на значимость диалога Виктора Николаевича со старым Суюном, говорящим на языке старинных восточных притч. «Пойдёт этот дождь, застудит тебя. Ты захвораешь и помрёшь, а травам да хлебам этот дождик – одно спасение. Тут тебе и говорится: ты можешь не пустить дождь, но тогда погибнут хлеба, людям всего колхоза будет очень худо, голод их настигнет, но ты будешь жив и здоров. Как скажешь, так и будет. Решай!

[14] Там же. – С. 79.

— Тут и решать нечего – пусть будет дождь, а насчёт меня – посмотрим»[15], — не задумываясь, отвечает Александров. По словам известного критика Т. Батуриной, уверенность, что не может быть ему плохо, если обществу будет хорошо, что он сумеет повернуть в нужную сторону и свои личные обстоятельства, – составляет стержень его характера.

Осенью 1984 г. в Пятигорске состоялись выездное заседание секретариата правления СП РСФСР и одновременно Дни российской литературы. В содокладе Владимира Корнилова, наряду с прогремевшим на всю страну «Буранным полустанком» Ч. Айтматова, было обращено внимание и на «Буруны» Карпова, отличавшиеся острой социальностью, раскрывающие человека преимущественно через острые конфликты. Заметим, что производственная тема, лидировавшая ещё в 1960-е гг., теперь заметно уступает место, особенно к концу 1980-х, трактовке событий с психологической точки зрения. Начало, заметно проявившееся в романе Евгения Васильевича «Буруны», получило развитие в более поздних произведениях Г. Шумарова «Ни эллину, ни варвару», «Дороги бортхирурга Басова», в «Охоте в Путоранах» В. Кустова и др.

В начале 1990-х гг. Карпов переехал в Москву, долго жил в Киеве. Уже в очень преклонном возрасте (он родился, повторяем, в 1919 г.) радовал читателей новыми произведениями, опубликованными на Украине, в журнале «Радуга». Отдельными изданиями выходили его сборники прозы «Новое небо» (2004), «Да будет воля Твоя» (2006), «Всё было, как было» (2008), а в Ставрополе – издателем журнала «Южная звезда» В. Кустовым, представившим читателю репортаж-хронику Евгения Васильевича «Гога и Магога», датированную 1915–1991 гг., была опубликована и вторая книга его же мемуаров «Всё было, как было».

Головокружительная смена событий, помноженная на талант писателя, сделали эти мемуары одним из блестящих опытов в подобном жанре. О своих коллегах, писателях Ставрополья, Карпов опубликовал тёплые дружеские заметки на страницах санкт-петербургского журнала «Нева» (2004, № 5). В них раскрылась ещё одна грань карповского таланта – добрый юмор.

Из ныне живущих писателей Евгения Васильевича близко знал ещё по Моздоку Николай Сахвадзе. В своих воспоминаниях он рассказывает, как Карпов повлиял на его литературные пристрастия. Молодой Сахвадзе, кроме Александра Грина, теперь полюбил Платонова и Пастернака, а Джека Лондона сменили Хэмингуэй, Ремарк, Уоррен. Именно Евгений Васильевич посоветовал ему обратиться к современности, для Николая это была жизнь его

[15] Карпов Е. В. Буруны : роман. – Ставрополь, 1985. – С. 7–8.

школьных друзей. Общение с Карповым не могло не сказаться на уровне подготовки будущего писателя.

Заканчивая посвящённую Евгению Васильевичу юбилейную статью, нельзя обойти вопрос о его мастерстве переводчика прозы. В соавторстве с Ольгой Афремовой он перевёл роман карачаевского писателя Дагира Кубанова «Два времени» (1984), но основное творческое содружество сложилось у писателя-ставропольца с известным, талантливым адыгейским прозаиком Исхаком Машбашем. Свои суждения о проблемах перевода Карпов изложил в статье «Вдвоём за письменным столом»[16]. Особенно выделим перевод романа-эпопеи Машбаша «Жернова» – глубокого историко-художественного исследования, раскрывшего трагедию народа, чья земля оказалась разменной картой в геополитическом противостоянии Турции и России: разобщённые племенными противоречиями адыги попадают в жернова истории[17]. И эти раздумья, размышления о философии, истории нашли точный и эстетически совершенный перевод в русском издании романа.

Второе столетие литературной жизни Евгения Васильевича только начинается, и оно должно принести новые открытия в его творчестве и сохранить любовь к нему читателей Ставрополья.

Очарованный странник[18]

Иванова Елена Львовна,
поэт, лауреат литературной премии
имени В. И. Слядневой

Имя Владимира Гнеушева известно тысячам читателей. Журналист, поэт, прозаик, драматург, публицист – он по-прежнему крепко держит перо в своих руках.

Владимир Григорьевич уже давно столичный житель, однако по праву рождения, сердечного родства и сыновней любви навеки «приписан» к ставропольским степным просторам, к вершинам Кавказа, к людям, которых помнит самой глубокой и незабвенной памятью – памятью сердца. Их судьбы

[16] Карпов Е. В. Вдвоём за письменным столом: о проблемах перевода // Литературная Россия. – 1980. – 25 апр. – С. 20.

[17] Егорова Л. П. Литературы народов Северного Кавказа : очерки. – Ставрополь, 2004. – С. 107.

[18] Иванова Е. Л. Бессмертного дара наследники: статьи о творчестве писателей / Ставрополь, 2021 – С. 34-38.

запечатлены на страницах его книг, их воля и мужество в труде и вековечной борьбе за счастье всегда были ему духовными опорами на собственном нелегком жизненном пути.

Сердечно поздравляя писателя с его большим юбилеем, редакция газеты «Ставропольская правда» желает ему, своему старинному заслуженному автору, бывшему моряку, семь футов под килем и счастливого плавания в безбрежном океане творчества.

…Все пытаюсь найти под обложками его книг эту запечатлевшуюся моей памяти фотографию – и не нахожу её. Но ведь не пригрезилась же она мне! Где-то там, в прошлом, в самом начале его взвихренного неистовой любовью к жизни пути, есть оно, это юное лицо, подчеркнутое строгой графикой матросской тельняшки, – обличье молодого льва, изготовившегося к упругому прыжку. Только жизнь в условиях, где царит «закон джунглей», способна ваять такие ожесточенно-вдохновенные прекрасные лица. А жизнь и на самом деле была у него полной опасностей и задорно-яростной борьбы как за физическое существование, так и за духовное само-стояние, борьбы, в которой ему не на кого было рассчитывать, кроме самого себя, поскольку рано лишился родительской опеки. Время было жестокое.

В художественно воплощенной автобиографии Владимир Гнеушев так пишет о своем детстве, проходившем вначале в родном ставропольском селе Кевсалы, а затем в бродяжничестве по всей земле, где только приглянется.

«В тридцать третьем году помню себя пухлым от голода, но тогда я еще жил с мамой, она и спасла меня от смерти, подворовывая на поле в степи кукурузу, которая уже достигла восковой спелости. У меня шатались зубы, поэтому она жевала кукурузу сама, заматывала в тряпочку и давала мне высасывать то, что там находилось…».

Далее следует рассказ, который современные дети восприняли бы как выдуманную страшилку, но это доподлинная быль.

Одноногий объездчик дядя Емельян однажды остерег мать мальчишки:

«— Ты не дюже отпускай Володьку от себя. По крайности дома пусть сидит, покуда мы шайку от села отгоним.

— Какую шайку? — испуганно спросила мать и покрепче сжала мою руку. — Вы же её в милицию сдали, дядя Емельян.

— То одна была, а нынче другая. Покуда кукуруза стоять будет, она не уйдет. Как бы не съели парня.

Ужас охватил маму, а через неё и меня. Слухом о людоедстве пользовались в тот год многие, и наверняка не без основания, но чтобы оно подошло так близко…

Почти бегом мы помчались к своей землянке, дверь в которую подпиралась палочкой, без всяких замков. Палочка отлетела в сторону, мы влетели в комнату, мама упала на лавку, горько зарыдала, закрыв лицо руками, и долго потом тихо плакала, прижав меня к теплому родному телу…».

Кукурузное млеко ставропольской степи, смешанное с нутряной материнской любовью, не позволило мальцу умереть. И вся его дальнейшая судьба имеет поразительное сходство с судьбой лесковского «очарованного странника», коему на роду было знамение: «много раз погибать и ни разу не погибнуть».

За нашим странником опасность погибнуть, если не физически, то духовно, всю жизнь ходила по пятам. Так было в холодном и голодном детстве, так было в беспризорном отрочестве: стать бы Володьке одним из тех, кому имя «уличная шпана», да только был в его натуру вколочен крепкий стержень, он-то и не дал ему пошатнуться. Так было в юности, начавшейся призывом в армию зимой сорок четвертого: из пекла войны он вышел живым, но не сказать что невредим – три месяца провалялся на госпитальной койке. Так было в молодости, когда он нес опасную службу на кораблях военного флота с дальними и ближними плаваниями. Море и горы – глубина и высота – всегда властно притягивали его к себе романтикой борьбы и неизведанного. И всё потому, что был он страстным приверженцем трудных дорог. И трудного счастья. И жил всю жизнь так, словно бы непрестанно испытывал себя на прочность.

«В дни самой первой, горестной любви…» – начинает исповедь юное сердце поэта, и одна эта певучая, грустно-щемящая строка стоит целого стихотворения. В ней есть все: радость встреч и горечь расставаний, необоримая нежность и бережно лелеемая тоска по утрате, ведь пока она есть, эта тоска, как бы нет еще и самой утраты. Лирический герой Владимира Гнеушева в любви не похож на тот традиционный в лирике образ, когда влюбленный готов весь мир сложить к ногам своей возлюбленной.

…Только небо и море, и «чуть плещущая тишина» в корабельном кубрике. «Не видно нигде берегов…» – затянули матросы песню, растревожившую душу. И вспоминаются моряку родные края, дорогие сердцу места, где еще недавно бродил он с любимой.

Любовь, не заслоняющая собой весь мир, но расширяющая его границы, сливающаяся с земной ширью и высью, дарующая крылья для ликующего полета, – вот что нужно лирическому герою Владимира Гнеушева. Потому что, признается он: «Я жизнь люблю, – крутой ее разгон!». И словно оправдывается перед единственной, нежно хранимой памятью сердца: «Только разве все, что сердцу любо, сбыться может в девушке одной?..». А «любо сердцу» так много,

поскольку «жизнь повсюду нелегкого счастья полна»; и «Какое чудесное слово – дорога!»:

«Наверно, счастье не кончается / В кругу привычных нам примет… / Пока волна во мгле качается / И кораблей плывущих свет, / Пока над нами солнце кружится / И, душу гулко веселя, / В прибойной пене, точно в кружевце, / Всплывает милая земля.»

А на ней, на этой вожделенной для моряка земле, есть та «шестая часть с названьем кратким Русь», которая, как и Сергею Есенину, дорога нашему поэту. Только он говорит об этом по-своему, обращаясь к любимой: «Если б не понимал я великого чувства – России, / Разве чувство к тебе научился бы я понимать?»

Поэт полемизирует с воображаемым оппонентом, приверженцем размеренного, бескрылого существования:

Летят снега над горными лугами,
дожди по тротуарам бьют в ночи.
Ведите жизнь на солнечное пламя,
а не к дрожащей капельке свечи.

Устремленность к высокому, незаземленному, братская солидарность со всеми живущими на земле, священная память о тех, кто в боях с врагом отстаивал свободу и счастье трудиться на ней, – доминирующие мотивы лирики Владимира Гнеушева. А когда рамки лирического стихотворения становятся тесными для масштаба творческого замысла, он берет в руки перо прозаика и публициста.

Владимира Гнеушева неудержимо влекут к себе люди труда, которые, как и он сам, много испытав в жизни, «сами честны и чисты, верят в товарищей, честность и молодость, чистые, словно цветы». Это о них его серия документально-художественных повестей. «Мой Домбай» – о жизни гор и альпинистов, «Звезда Аксаута» – о ставропольских геологах, «Кизиловая Балка» – о табунщиках высокогорных пастбищ. Цикл очерков под общим заголовком «Вечером, во время дождя» рассказывает о жителях Лабинского ущелья, лесниках и охотниках, талантливых выдумщиках, об их самоотверженной дружбе. Герои книги «Хозяева медной горы» – изыскатели, те, кто строил Урупский медный горно-обогатительный комбинат, одно из крупнейших промышленных предприятий Карачаево-Черкесии.

Случай (по принципу «на ловца и зверь бежит») свел писателя с бывшим агентом гитлеровского разведцентра «Абвер» Александром Козловым – так родилась повесть «Хранить вечно».

В ряду изданных писателем книг особое место занимают две, созданные им совместно с журналистом А. Попутько, – «Тайна Марухского ледника» и «Дыхание лавин» – две части единого целого, представляющего собой документально-художественное повествование о защитниках Главного Кавказского хребта в годы Великой Отечественной войны. Эти произведения с необычайной силой убедительности увековечили подвиг советских солдат в невероятно трудных условиях сражений в горах с их снежными лавинами, камнепадами, сокрушительными бурями и грозами, коварными пропастями и неприступными оледенелыми скалами. Эти книги, много раз переиздававшиеся, породили мощное патриотическое движение по увековечению памяти героев былых сражений на Кавказе.

Писатель постоянно прислушивается к пульсу времени, чутко улавливает перемены в общественном сознании. Так, им было безошибочно понято стремление соотечественников в новых социальных условиях переосмыслить свою историю. Трагические судьбы казачьих родов в начале прошлого века видятся ему как «мачты затонувших кораблей». Книга «Полынная слава» – документально правдивое и художественно воплощенное повествование из истории ставропольского казачества.

Одна из поэтических книг Владимира Гнеушева носит название «Дорога на перевал». Такой дорогой стала, по сути, вся жизнь поэта, прожитая как непрестанное восхождение. И что же дальше, за новым перевалом? Поэт пишет, словно бы сам себе отвечая на этот вопрос:

Работать, понимая кое-что.
С утра в реке сверкающей купаться.
И верить, что тебе еще не сто,
хотя уже, конечно, и не двадцать.

Жизнь продолжается. И верится, никогда не потускнеют ее краски для человека с очарованным сердцем.

Витислав Васильевич Ходарев[19]

Сахвадзе Николай Николаевич,
писатель, член Союза писателей России

Есть у нас две верные звезды: свобода и вера.
Коль будем их держаться, не пропадем. Выведут.

Игнат Некрасов, атаман (1710)

19 сентября 1939 г. в станице Зольской Аполлонского (ныне Кировского) района родился герой этого очерка. Его отец, увлекающийся на досуге историей Древней Руси, нарёк сына Витиславом в честь предводителя славян-бодричей, деда Рюрика. Отец был милиционером, мать – нянечкой в больнице. Через год главу семейства в приказном порядке перевели в станицу Лысогорскую соседнего Георгиевского района. Здесь прошли детство и юность будущего поэта.

Здравствуй, речка в тиши,
Здравствуй, берег родной!
Лысогорье моё, хорошо мне с тобой!
Возле Лысой горы вновь сады расцвели,
В них о прошлом поют золотые шмели.

После окончания «ремеслухи», так учащиеся называли между собой горнопромышленное училище, восемнадцатилетний Витислав стал проходчиком и забойщиком на шахте «Станичная» в городе Северодонецке (Донбасс). Побывал под обвалом. О товарищах по забою писал с энергичным восхищением:

Та братия шахтёрская в трудах
Меня растила в том подземном мире,
Где держится земля не на китах,
А на сосновых крепях из Сибири.

В те годы в газете «Комсомолец Донбасса» часто печатали стихи молодого шахтерского поэта Николая Анциферова (1930-1964), и Витислав твердо решил для себя, что тоже станет настоящим поэтом, когда увидел, как бесшабашно, по-свойски, балагуря и насмешничая, рассказывает о тяжелой шахтерской доле признанный поэт:

Я работаю, как вельможа,
Я работаю только лежа.

[19] Сахвадзе Н. Н. Ставропольские писатели: биографический словарь / Ставрополь, 2020. – С. 382-388.

Не найти работенки краше,
Не для каждого эта честь.
Это только в забое нашем:
Только лежа – ни встать, ни сесть.

В 1958-м Витислав призван в ряды Советской Армии. Служил в ракетных войсках. В часы солдатского досуга продолжал сочинять стихи, писал информационные заметки и очерковые зарисовки в дивизионную газету «На страже Родины».

1961 – демобилизовавшись, пришёл в редакцию районной газеты «Ленинская правда» в Георгиевске. Показал армейские публикации и подборку только что сделанных им рукописных материалов из жизни Лысогорской. После стажировки взят в штат разъездным корреспондентом. Это была хорошая школа журналистского мастерства и литературной грамоты.

1965 – уехал в пустыню Каракумы на строительство грандиозного оросительного канала. Год спустя перешёл в МВД Туркменской ССР помощником капитана противопожарного корабля «Отважный» на Каспии.

В альманахе «Ставрополье» № 1 за 1966 г. напечатаны два стихотворения – «России» и «Богомазы». Вместе с Ходаревым в номере альманаха дебютировали Вениамин Ащеулов и Мусса Батчаев.

1969 – возвращается в Ставропольский край, в г. Зеленокумск. Создал здесь литературное объединение «Раздолье» при районной газете «Путь Ленина». Через три года о зеленокумском литобъединении, которым руководит В. Ходарев, рассказала своим читателям «Ставропольская правда».

1974 – краевое книжное издательство выпускает в свет первую книжку стихов В. В. Ходарева «Горсть снега».

1976 – зачислен в отделение пожарной охраны УВД Ставропольского крайисполкома. Заочно поступил на юридический факультет Кубанского государственного университета и надолго связал дальнейшую жизнь с работой в органах МВД.

1983 г. – опубликована вторая книга стихов Ходарева «Звезда в окне». Доктор филологических наук, профессор В. М. Головко в предисловии к книге избранного «Земной поклон» приводит любопытные сведения о поэте:

«Уже будучи подполковником внутренней службы, он создал уникальный музей истории милиции Ставропольского края, собрал более трех тысяч экспонатов для этого музея, руководил им четыре с лишним года.

На основе собранных исторических материалов поэт написал книги «При исполнении служебного долга», «Грани огня», поэму «Станица», песню «Воспоминание», посвящённую подвигам милицейских горнострелковых

отрядов, защищавших во время Великой Отечественной войны перевалы Кавказа»

1989 г. – к пятидесятилетию Витислава Васильевича выходит книга «Отчина», закончена историко-драматическая поэма «Казачий круг». Приоритеты милиционера-подполковника сместились от деятельности советской милиции в сторону возрождения терского казачества.

Впервые В. Ходарев и В. Ярош заговорили на эту животрепещущую для степного края тему на творческих встречах с отдыхающими в санаториях Пятигорска. Ночью Ходарев в здравнице с говорящим названием «Дон» написал стихотворение «Казачество».

Говорили мне: брось чудачество
Вспоминать, что быльём поросло.
Ну какое теперь казачество?
Всё пропало и всё ушло.
Отскакали своё буланые,
В степь с уздечкою не пойдёшь.
И стальные клинки булатные
Лишь в музеях теперь найдёшь.

Так ли это?..

Всей своей дальнейшей деятельностью поэт восстанавливает родовую пуповину с казачьим племенем, убедительно доказывает неверующим и сомневающимся, что «осталось, живёт казачество! Вечная наша казачья кровь!».

Помню, в какой восторг привел меня невыдуманный исторический анекдот конца XVIII века, рассказанный Витиславом Васильевичем в краевом Союзе писателей: «Когда у Екатерины II послы некой европейской державы спросили: «Каковы границы Российской империи?» – государыня дала ответ, не задумываясь: – Они заканчиваются на острие казацкой шашки!»

1990 г. – в журнале крайкома КПСС «Коммунист и политика» № 11 появилась остропублицистическая статья Витислава Васильевича Ходарева «Возродим казачество!».

28 сентября состоялся I-й Большой круг казаков Ставрополья. На нём образован Ставропольский краевой Союз казаков, объединивший всех казачьих потомков края. В память о событии на Крепостной горе Ставрополя установили мемориальную плиту. На плите выбиты слова из стихотворения Ходарева:

Память о казачестве бессмертна,
Подвиг казачества в сердцах.

В 1994 году Ставрополь посетил Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II. 14 августа он благословил «Духовный гимн казачества», сочинённый терским казаком Витиславом Ходаревым, положенный на музыку кубанским казаком Владимиром Чернявским. Гимн утверждён правлением Кавказского линейного казачества и рекомендован для исполнения во всех казачьих подразделениях Юга России:

Слава богу, что мы казаки.
Вот молитва казачья святая.
Наши сотни и наши полки
С нею крепнут от края до края…
…Слава Богу, что мы казаки.

1997 г. – появление сборника «Станичные суеверия» знакомит читателя с результатами долгого и кропотливого труда В. Ходарева в области поиска-сбора старинных казачьих поверий. Уникальную книгу отметили премией им. С. Бабаевского. Общественный совет краевой научной библиотеки им. Лермонтова признал её самой занимательной и красивой книгой года.

1998 г. – публикация сборника «Слеза на ветру». В нем переводы стихов 26-и поэтов Болгарии. Они принесли В. В. Ходареву литературную премию Николы Фурнаджиева и статус почётного члена Пазарджикской писательской организации Союза писателей Болгарии.

С 1998-го по 2002 г. Витислав Васильевич Ходарев – руководитель краевой писательской организации. В пору его четырёхлетнего правления налажен выпуск серии «Библиотека писателей Ставрополья для школьников». Серия приобщала молодёжь к литературе края в её историческом развитии. Вышло 42 книги. Но были там и труднообъяснимые для меня публикации.

Каким боком относится к Ставрополью живущий в Перми поэт Игорь Тюленев? Оказывается, в далёких 50-х гг. XX в., будучи ребёнком, он провёл два-три года у бабушки по линии матери в с. Солдато-Александровском. Почему такая мелочь оказалась для Ходарева достаточным поводом, чтобы приветить «иногороднего»? Ведь гораздо более справедливо и патриотично было бы напечатать в этом выпуске рассказы безвременно погибшей терской казачки Светланы Заикиной. «Клади душу за своего!» – древнее и поучительное предписание казачьих общин.

У самого Ходарева в «Библиотеке писателей Ставрополья для школьников» вышла книга «Казачья любовь» (1999). В ней две поэмы: «Казачья любовь» и «Казачьи сны». Вместе с ранее изданным «Казачьим кругом» они составили масштабный поэтический триптих из жизни терского казачества.

2000 г. – публикация книги «Терские протоки» в Москве; отмечена премией им. К. Симонова с вручением автору золотой медали. Поддерживая творческие связи с Карачаево-Черкесией, В. В. Ходарев перевёл 15 стихотворений ногайского поэта Суюна Капаева.

2004 г. – книга «Вера, Надежда, Любовь», выпущенная краевым книжным издательством, является дополненным переизданием книг «Терские протоки» и «Станичные суеверия». Удостоена Губернаторской премии им. А. Губина.

2007 г. –работает над духовным повествованием «Житие епископа Игнатия Брянчанинова». 8 октября творение о святителе благословил Феофан, епископ Ставропольский и Владикавказский:

«Спаси, Господи, люди твоя.

Благословляется к изданию сие поэтическое приношение замечательного писателя Витислава Ходарева великому духовному столпу Православия епископу Игнатию Брянчанинову».

2008 г. – в сентябре посетил Южную Осетию с гуманитарным грузом помощи от ставропольских казаков. Развалины Цхинвала и рассказы жителей, переживших войну 08.08.2008, породили несколько стихотворений: «В Цхинвале», «Танцы в Цхинвале», «Боль».

Две тысячи погибших… Сколько бед!
Тебя бы в царство мёртвых в день опальный.
Тебя бы, пришлый чёрный Президент!
Порочный сын всей Грузии печальной.

Хотя не обошлось без казуса… Я имею в виду стихотворение «Птичий зов»:

Вдруг долетела до ушей
Простая песня птахи.
В посёлке я Тамарашейн,
Где обитают страхи.
Здесь нет жильцов. Ни одного.
Здесь каждый дом разрушен.
Следы, следы, следы врагов
Да птичий зов на груше.

Дело в том, что село Тамарашени являлось местом проживания грузинских и грузино-осетинских семей. Вот что пишет 8 августа 2018 года журналист Дмитрий Стешин в газете «Комсомольская правда»: «Тамарашени спалили осетины, «чтобы разрубить застарелый узел войны» – так мне в августе

2008-го сказал спикер осетинского парламента. Тогда мне показалось это сильным, жёстким, решительным поступком, а теперь – не знаю. Я много раз был в Южной Осетии после войны – полноценная жизнь туда так и не вернулась. Я слышал и такое: «Это была большая ошибка – выгнать грузин». Вот только поздно уже».

2010 г. – 29 ноября Витислав Васильевич участвовал в литературно-патриотической встрече девяти писателей Ставрополья со студентами Ставропольского госуниверситета – «Россия в сердце не случайна». Студенты, интересуясь делами казачества, облепили поэта, как мошкара – фонарь.

2012 г. – благодаря министерству культуры Ставропольского края в свет вышла последняя книга В. Ходарева «Земной поклон» (616с.), включившая в себя большинство созданных им произведений: стихи, поэмы, переводы, статьи начального периода возрождения казачества.

Январским днём 2013 г. я стоял на остановке общественного транспорта по улице Булкина, рядом с министерством культуры края и терпеливо ждал маршрутное такси до автостанции № 2, что на проспекте Кулакова, по соседству с притихшим, будто нежилым заводом автоприцепов.

Очередная, ненужная мне маршрутка автоматически открыла дверь. Напротив, лицом ко мне, понуро сидел исхудалый постаревший Ходарев. Я машинально раскланялся с ним. Он оживился, стал что-то, торопясь, говорить с непонятной для меня озабоченностью.

Что мешало запрыгнуть в маршрутку и проехать с ним несколько остановок? Но ведь даже мысль такая тогда не пришла на ум.

Он умер 6 октября 2013 г., завещая похоронить себя в станице Лысогорской. Его же с почестями похоронили в Ставрополе.